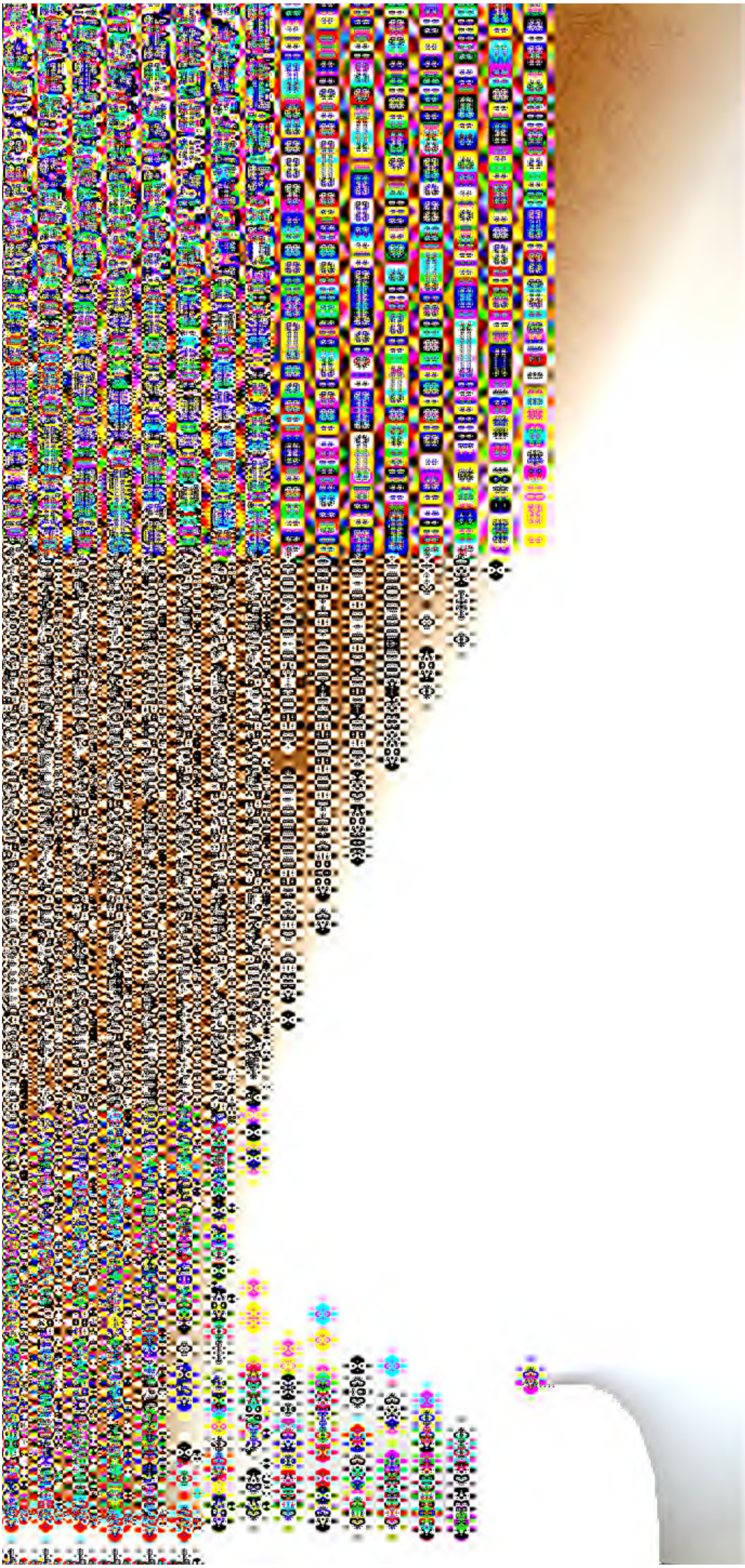

В. Н. Перетцъ.

ІОРУССКІЯ ВИРШИ И ПѢСНИ

ВЪ ЗАПИСЯХЪ XVI—XVIII ВѢКОВЪ.

XV—XXII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1899.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1899 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. IV (1899 г.), кн. 4, стран. 1218 — 1303.

XV.

Первые памятники искусственной стихотворной поэзіи, съ ясно отмѣченнымъ уже характеромъ похвальнаго посланія или оды или увѣщанія—таковы изданные выше стихотворные опыты Герасима Смотрицкаго, Андрея Рымши и другихъ—наводятъ насъ на мысль: что̀ знала старая московская и кіевская Русь о стихотворствѣ и какими руководствами и указаніями могли пользоваться по этой части предшественники, современники и ближайшіе потомки названныхъ стихотворцевъ?

Выше было отмѣчено, что съ первыхъ же опытовъ въ юго-западной русской литературѣ появляются два вида стиховъ: одни—неправильные, съ произвольнымъ числомъ слоговъ и отличающіеся отъ прозы только риѳмою; другіе—плавные, построенные по польской силлабической системѣ, съ преобладаніемъ тринадцати-, двѣнадцати- и одиннадцати-сложныхъ размѣровъ.

Но польское вліяніе сказалось не сразу: исторія его борьбы и лишь постепеннаго завоеванія своего мѣста открывается изъ обзора старинныхъ руководствъ къ стихосложенію и стоитъ въ связи съ постепеннымъ проникновеніемъ польскаго вліянія въ училища западной Руси, гдѣ первоначально преобладаютъ славяно-еллинскіе элементы, позже—берутъ перевѣсъ новыя вѣянія и школы перестраиваются по типу католическихъ, съ господ-

*) Продолженіе.—См. «Извѣстія», т. IV, кн. 3, стран. 869 слѣд.

Изъ предложенныхъ примѣровъ знавшіе греческій языкъ могли ознакомиться съ двумя родами стиховъ, но таковыхъ знатоковъ было немного и самые стихи были переданы на славянскій языкъ прозою. Нѣсколько понятнѣе и доступнѣе для читателя были статьи того же автора объ акростихѣ, въ которой упоминается о ямбическомъ размѣрѣ и приводится примѣръ его. Это—вторая часть посланія къ нѣкоему другу «въ немъ же сказаніе тріехъ нѣкихъ взысканій, нужныхъ всякому рачителю книжному».

Нѣкіе творцы каноновъ, чтобы охранить свой трудъ отъ тѣхъ, которые любятъ заимствовать и присвоивать чужіе труды, изобрѣли «акростихиду», что по-русски будетъ — «краестрочіе» или «краегранесіе»; «и ово убо сотворено есть ими жъ по алфавиту, сирѣчь по азбукѣ, ово же по строкѣ сложени мѣрою иамвикою, еже являетъ или силу всего канона, или хвалу содержитъ пѣваемому святому». Далѣе, какъ примѣръ акростиха Максимъ Грекъ приводитъ канонъ на Благовѣщеніе: «Ἀδέτω σοι δέσποινα»... приписываемый Θеофану, расположенный по алфавиту, и другой канонъ Іосифа, поемый въ субботу пятой недѣли поста, построенный такъ, что совокупность первыхъ буквъ отдѣльныхъ стиховъ по порядку, даетъ первый стихъ канона «χαρᾶς δοχεῖον, σοὶ πρέπει χαίρειν μόνῃ» и имя автора: «Ἰωσήφ» [1]).

Греческіе примѣры едва ли могли дать поводъ къ подражанію, и можно съ увѣренностью сказать, что объясненіе Максима Грека не вызвало со стороны русскихъ опытовъ стихосложенія. Эти опыты появились позже совершенно независимо отъ изложеннаго и даже первыя печатныя грамматики XVI — XVII в. мало содѣйствовали ихъ появленію.

Въ старѣйшей изъ извѣстныхъ намъ славянскихъ грамматикъ XVI в., именно въ Αδελφότηςѣ 1591 г. изданной въ Львовѣ [2])

1) Ягичъ, Разсужденія о ц.-сл. яз., стр. 592 — 3, по той же рукоп. Рум. Музея.

2) Подробно описана И. Каратаевымъ (Описаніе славяно-русскихъ книгъ, т. I. 1883, стр. 245). Объ этой грамматикѣ см. статью Кир. Студинскаго.

мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на правила сложенія стиховъ, хотя неизвѣстный авторъ на оборотѣ заглавія помѣстилъ два четверостишія на гербъ города Львова, а на оборотѣ послѣдняго листа—двустишіе, по-гречески и переводъ его двустишіемъ же по-славянски. Если же изслѣдуемъ немногія косвенныя указанія на мнѣніе составителя грамматики о способѣ сложенія стиховъ, то и здѣсь найдемъ противорѣчіе.

Подобно позднѣйшимъ грамматистамъ, авторъ различаетъ слоги долгіе и короткіе, слѣдуя своему греческому оригиналу, но дѣленіе его, конечно, совершенно условно:

«Слóгъ ёстъ сложéнїе малы̂хъ двѽхъ писмéнъ, потребовáтелно жè и҆ гласныѧ слóги глаголю́тсѧ. ꙗ̆ко, α, ε.

Раꙁдѣлѧ́етжесѧ слóгъ нá три.
Нà дóлгїй, ꙗ̆ко сосꙋ̑дъ.
Нà краткїй, ꙗ̆ко слóво.
На ѽбщїй, ꙗ̆ко ѡ҆бременéн'ный. (л. 7)

Согласно съ такимъ дѣленіемъ слоговъ на краткіе, долгіе и общіе—дѣленіемъ, изложеннымъ здѣсь правда слишкомъ неясно по сравненію съ позднѣйшими грамматическими руководствами—вполнѣ понятна попытка перевести ямбическіе стихи съ греческаго на славянскій такими же ямбами, да еще и съ сохраненіемъ риѳмы.

Такую попытку мы видимъ въ передачѣ двустишія:

Θεοῦ δίδοντος οὐδὲν ἰσχύει φθόνος [1])
Καὶ μὴ δίδοντος οὐδὲν ἰσχύει κόπος—

слѣдующимъ образомъ:

Бóгꙋ̆ даю́щꙋ ꙁáвисть ничтóже воꙁмóже
И не даю́щꙋ трꙋ҃ ѻу҆спѣ̑етъ ничтóже.

1) Въ Αδελφοτης'ѣ опечатка—ϑφόνος.

Гласныя: ꙋ, ю, ѣ, какъ долгія, могли образовать съ другими ямбическую и спондаическую стопу. Что же касается лишняго слога въ первомъ стихѣ — то возможно допустить чтеніе в'зможе, безъ *о*, котораго составитель могъ и непринять въ расчетъ.

Но первое стихотвореніе на гербъ гор. Львова, построено совершенно свободно какъ отъ еллино-славянской теоріи долгихъ и короткихъ слоговъ, такъ и отъ польской, силлабической, которую выше мы встрѣтили въ стихахъ А. Рымши. Вотъ оно:

ΛΕΩΠΟΛΙΣ

Ζна́менїе теѯоимени́таго кнѧ́ѕѧ лва̀ гра̑ се́й мае̄.
Его́же и̓мѧ̀ по все́й е̓вро́пїи россі́йскїй ро̑ ѯна́етъ.
В митропо́лїи киевога́лицкой сла́вно пребыва́етъ.
Его́же всѧ̑ ѡ̓̆крестнаѧ страна̀ ѡ̓богаща́етъ.

Гербъ.

Ле́въ царствꙋетъ беѯслове́сныи҃ ѕвѣремъ в нача́ло.
Σлове́сныи҃ жѐ о̆браѯъ, х҃во ца́рство на҃ сѧ покаѯало.
Мꙋжа́йсѧ многоплеме́нный ро҇скїй народе,
Да̀ христо̀съ нача́ло крѣпости въ тебѣ бꙋде.

Здѣсь мы имѣемъ весьма значительную разницу между числомъ словъ въ отдѣльныхъ стихахъ: 18, 17, 17, 15, 18, 17, 13, 13. Повидимому здѣсь мы имѣемъ такую же риѳмованную прозу, какъ и въ «Ляментѣ княжатъ Острожскихъ», «Перлѣ» К. Транквилліона и др. (см. гл. II). Такимъ образомъ авторъ не справился съ мудреной задачей написать строки по правилу заимствованному изъ греческой грамматики; но трудно рѣшить, почему онъ не воспользовался тѣмъ силлабическимъ размѣромъ, который употребилъ А. Рымша впервые въ 1581 г., а въ 1591 г., въ эпиграммѣ Теодору Скумину — очень удачно и гладко,

хотя оба, и Рымша и составитель стиховъ Αδελφοτης'а, были, вѣроятнѣе всего, питомцами одной школы.

Слѣдя далѣе за появленіемъ свѣдѣній о стихосложеніи, мы еще остановимся на двухъ грамматикахъ, изъ коихъ вторая, принадлежащая Мелетію Смотрицкому, болѣе ста лѣтъ служила школьнымъ руководствомъ.

Обѣ онѣ заключаютъ въ себѣ теорію стихосложенія близкую къ той, которая была впервые печатно предложена въ, Αδελφοτης'ѣ, т. е. слѣпое подражаніе позднѣйшей греческой, основанной на условномъ значеніи гласныхъ буквъ.

Старшее изъ этихъ руководствъ — «Грамматіка словенска.. ..нѡвѡ състаⷡ҇лена Л. Z.» т. е. Лаврентіемъ Зизаніемъ, выпущенная изъ братской виленской типографіи въ 1696 году 12 февраля[1]) начинается прямо стихами.

На оборотѣ заглавнаго листа, надъ изображеніемъ человѣка, стоящаго въ позѣ, выражающей недоумѣніе, держа въ лѣвой рукѣ ключъ — напечатано пояснительное двустишіе:

Прóж'нѡ ты́ сѧ кꙋсишъ писмò оу̓мѣ́ти,
котóрїй нехóчъ менѐ разꙋмѣ́ти.

А за симъ слѣдуетъ на второмъ листкѣ такая «Епіграмма»:

На Грамматікꙋ.
Грамматіка писмà всѣˣ наꙋчáеᵗ,
чтырма̀ чáстми лаᵗве ѻ҆разꙋмлѧ́еᵗ.
Орѳогрáфїею и̓ просѡ́дiею.
сѷнтáѯисоⷨ и̓ е̓тѷмолóгiею.
А̓ преˣреченъное е̓и ѡ҆пáтво,
подáетъ пеⷡноe и̓скꙋство.
Котóрїи прáгнꙋᵗ бы́ти дѡконáли,
в пи҃мѣ̀ и̓ в'словаˣ абы непаⷬтали.

---

1) Описана подробно у И. Каратаева, тамъ-же.

Але изъвѣстню все по^знавали,
и чогося оуча^т абы добре знали.
Ключе^м бо есть ѿтворяючи всѣ^м оумъ,
к познаню въ препра́вы́ ра́зу^м.
По кото́ро власне ꙗкъ по всходѣ по́йдеть,
ка^ждый если хоче^т всѣ^х нау^к дойде^т.

Въ «Посланіи спудеюм» объясняется польза грамматики и мѣсто ея относительно другихъ наукъ — риторики, словесности, философіи и богословія: «она есть ключе^м вырозумѣню. Ѿворяючи, и ѿказуючи всякіи ву^ттпливости, а приѡ^здобляючи и свѣтлый чиначи розу^м чл҃чій». (л. 3).

Приводя стихи сразу вслѣдъ за заглавіемъ, Л. Зизаній счелъ нужнымъ тутъ же дать указаніе, какъ сложены эти вирши и какъ слѣдуетъ складывать ихъ вообще.

Въ заключеніе же грамматики — онъ опять повторилъ правила о стихосложеніи, но уже въ нѣсколько иномъ болѣе подробномъ разсужденіи. Приведемъ сначала первое и слѣдующіе за нимъ стихи, а за тѣмъ, указавъ на принципы построенія стиха по долготѣ и какія гласныя Л. Зизаній считалъ гласными краткими и какія долгими—приведемъ и второе его разсужденіе.

Ѡ мéтрѣ, и ѡ риѳмѣ.

Перестоÿрóга хотячи^м вѣ^ршѣ складáти.

Въ мéтрѣ подобáе^т зрѣти качество и количество. слóгѡ^в и речéнїй, сирѣчъ аще изря^дное речéніе есть, аще слóгъ дóлгїй, или кра^ткїй есть.

Въ ρvѳмѣ жé, нѣсть тáкѡ кáчество зрѣти, ꙗкоже множáе количество.

Такимъ образомъ, подобно, Αδελφοτης'у Грамматика Зизанія принимаетъ на греческій ладъ за основаніе стихосложенія долготу и краткость слоговъ, отводя риѳмѣ, т. е. тому, что называется по-славянски краеграніемъ—мѣсто второстепенное.

Нѣсколько ниже на л. 3 грамматики излагается гораздо подробнѣе мнѣніе о долготѣ и краткости гласныхъ: къ долгимъ здѣсь причисляются — и, ѣ, ѡ, ѧ; къ краткимъ — е, о, у; къ двоевременнымъ — а, і, ѫ, ѵ; и это дѣленіе имѣетъ ту причину, «понѐже въ Твóр'ч҃еки˟ стíсѣ˟ ѿ си˟ пи҇мéнъ съставúвшíсѧ слóгъ, слóгъ дóл'гїй бывáетъ. Кра˟'каѧ же тáко˟де нарицáю˟сѧ понéже крáт'кїй слóгъ бывáе˟. Двоеврéмен'наѧ жѐ нарицáю˟сѧ, поне˟ нѣ́сѹтъ ѐдинáго врéмене, сирѣ́чь нѣ́сѹтъ постоѧ́н'на. ѹ҆вог'да бо̀ бываютъ крáт'каѧ, ѹ҆вог'да˟ пáки до˟'гаѧ прои˟волéнїе˟ Твóр'ца».

Теперь обратимся къ самому концу грамматики, и здѣсь, на л. л. 89—90 найдемъ статью о метрѣ, гдѣ уже рѣчи нѣтъ о долготѣ и краткости: это подразумѣвается, очевидно, извѣстнымъ. Эта статья не имѣетъ также связи и съ предыдущей. Здѣсь рѣчь идетъ объ ироическомъ, елегическомъ и ямбическомъ метрѣ. Приводимъ эти три статейки полностью.

Ѡ ирои̂ческомъ Мéтрѣ.

Ирои̂ческое мéтро ѐстъ шестомѣ́ритеное, и̂ шесточислитеное. ˟Еже приé˟ле˟ въ пе˟вó˟, и втóрó˟, и̂ трéтемъ, и̂ че˟ве˟тó˟, и̂ пѧ́томъ, предѣлѣ, и̂ли дá˟тѵла. и̂ли̂ спо̂дéѧ. Въ шéстó˟ же, и̂ли̂ спонъдéѧ, и̂ли̂ трохéѧ. ѩ҆́кѡ:

вúждъ нéмо̆щъ ѐстѐствӑ нашѐго̆ въщѐдрѡтахъ мнѡгїи̂.

Дáктѵлъ — ⏑ ⏑, До̄нъдѐжѐ.
Спо̂дéй — — —, ¯бѹ̆дѹ.
Трохéй — ⏑, бѹ̆дѐтъ.

Если̂ хóчешъ Вѣр'шѣ Складáти, Вéдле ты˟ Мéтръ Склада Грец'ки˟ Поéтѡ˟ послѣдѹ́ючи.

Ѡ ѐлегíáческо˟ Мéтрѣ.

'Елегíѧческое мéтро ѐстъ шестомѣри́теное, и̂ приéмлетъ въ пе˟во̂ и̂ли̂ дáктила, и̂ли̂ спо̂дéѧ, въ втóро̂ же дактѵла, въ трéте̂ же

и҆ четве́ртѡ дактѵла, въ пѧтомже предѣлѣ спондеа, иже раздѣлѧетсѧ на́ двое. и҆ оубо по е҆го̀ бываетъ междꙋ вторыи и҆ третіи предѣлѡ, дрꙋгое же по по четвертѡ.

Ѡ ꙇ҆а́вическѡ Ме́трѣ.

Что̀ е҆́сть ꙇ҆а́вическое ме́тро:

Ꙇ҆а́вическое ме́тро е҆́сть шестомѣри́тено и҆лѝ шесточисли́телное, и҆ прие́млетъ пе́рвои, и҆ тре́тїи, и҆ пѧ́тыи, предѣлъ, и҆лѝ нога̀. и҆лѝ спо́деа, и҆лѝ ꙇ҆а́ва. вто́рїи же и҆ четве́ртыи е҆ді́наго ꙇ҆а́ва. ше́стаѧже нога̀ прие́млетъ и҆лѝ Ꙇ҆а́ва, и҆лѝ пѵрі́хїа, ꙗ҆́ко,

призри на́ на́съ грѣшныхъ мнѡгѡ щедрыи бо́же.

Спо́ндѐ – –, бꙋди.
Ꙇ҆амъвъ ◡ –, не́сꙋ.
Пѵрі́хі ◡ ◡, сло́во.

Какъ видно изъ приведенныхъ Л. Зизаніемъ двухъ стиховъ, ироическаго и ямбическаго — сложеніе ихъ было дѣломъ не легкимъ: самому составителю при изобрѣтеніи примѣровъ пришлось въ единственномъ ямбическомъ стихѣ воспользоваться всѣми льготами и піитическими вольностями, употребивъ и спондей и пиррихій, и гексаметръ вышелъ у него спондеическій, признаваемый и греками за неудачный. Образца же элегическаго пентаметра Зизаній совсѣмъ не приводитъ, оставляя учениковъ безъ нагляднаго примѣра.

Для сужденія объ его искусствѣ слагать стихи приводимъ его «стихи къ младенцемъ, вводящіе ихъ въ ученіе», а также обращеніе къ нимъ же типографа.

Первые читаются на л. 4 предисловія, послѣ замѣчаній о метрѣ и риѳмѣ:

Стихи.

Къ младе́нцемъ въвъдѧщїи и҆х на дѣло.
Ѻжѐ всѧ́къ тщатисѧ въ граматі́цѣ да̀ начинаетъ,

бꙋстваже дрeвнаго дебелости же да забываетъ.
Ибо готово хꙋдожесто ѿ семи перв'шее
бꙋди же тщанїе ваше пер'вого оусердне'шее

На оборотѣ же этого листка—привѣтствіе отъ типографа:

Тѵпограф младе'цемъ.

Не простѡ кникꙋ называйте тоую граматїкꙋ,
але наста'ницꙋ добрꙋ слове'скомꙋ ꙗзыкꙋ.
Наꙋчаетъ добре писати и добре читати,
досконалы и пены быти а не в' чо не пар'тати.
Тꙋю вы ѿ спꙋдеи малымъ кош'то собѣ набывайте,
а великогоса розꙋмꙋ и ростропности з' неи наꙋча'те.

Это послѣднее стихотвореніе не что иное, какъ перефразировка прозаическаго предисловія составителя грамматики. Построеніе четырехъ стихотвореній, находящихся въ этой грамматикѣ—только отчасти приближается къ лучшимъ образцамъ версификаціи XVI вѣка. Въ первомъ — два правильныхъ одиннадцатисложныхъ стиха; во второмъ первые два стиха — по 11 сл., вторая пара—по 12; далѣе же слѣдуютъ стихи 10, 9, 12, 11-сложные безъ намека на систему. Третье стихотвореніе имѣетъ кромѣ перваго 15-сложнаго стиха — три остальные по 16 слоговъ; въ четвертомъ сначала преобладаютъ стихи 15-сложные, а затѣмъ 16, 17 и даже 20-сложные.

Этотъ расчетъ, можетъ быть, показываетъ, что чувство мѣры сознавалось авторомъ, но выдержать взятый размѣръ было трудно. Что до отношенія этихъ образцовъ къ теоріи, то они стоятъ совершенно отъ нея въ сторонѣ и никакъ не укладываются ни въ мѣрку стиха ироическаго, ни элегическаго, ни ямбическаго.

Какъ показано было ранѣе (гл. II), въ началѣ XVII в., къ двадцатымъ годамъ его, большинство малорусскихъ стихотворцевъ пишутъ уже правильныя силлабическія вирши, за исклю-

ченіемъ немногихъ, предпочитающихъ риѳмованную прозу, или не умѣющихъ уложить рѣчь въ рамки 11- или 13-сложнаго стиха.

Однако, несмотря на такое явное преобладаніе силлабической системы, Мелетій Смотрицкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, отлично знавшій какъ славянскій, такъ и польскій языкъ,—въ своей грамматикѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1619 году, держится той же системы, что и Л. Зизаній, только разработываетъ её детальнѣе.

Уже въ началѣ грамматики, въ главѣ объ орѳографіи Смотрицкій устанавливаетъ три разряда гласныхъ и двоегласныхъ, согласно ученію о семъ грековъ: «по грéкωвъ мѣ̃ри́тѐнагω в' слóга̃ коли́чества ра̊дѣленïю сти́хотво̃нꙋ» (л. 2 об.—3 об.). Онъ раздѣляетъ гласныя на трое: «дóлгаѧ сꙋ̆ть: и, ѣ, ω. Крáткаѧ: е, о. Двоврéменнаѧ: а, ї, ѵ. Двоегласныя также дѣлятся на три разряда «по мѣ́рѣ стïхотвóрнагω количества»: долгія— аѵ, еѵ, ѩ, ѧ, ѥ, ий, ѣй, ы, ωй, ꙋ, оу; краткія—ей, ой: общія— ю, у, безъ *о*: ай, еу, їй, ӱй. Всѣ же троегласныя и четырегласныя—долги: оуй, ый, ѧй, юй, ѫ и ѫй.

Въ статьѣ о «просодіи стїхотворной» Смотрицкій еще разъ возвращается къ этому дѣленію гласныхъ. Такимъ образомъ, согласно болѣе сложному дѣленію, естественно ожидать и болѣе запутанной и искусственной системы. И дѣйствительно: Смотрицкій, кажется доходитъ до крайняго предѣла искусственной группировки долгихъ и краткихъ слоговъ, хотя примѣры, приводимые имъ, могутъ быть прочтены довольно гладко. Но о причинѣ этого — ниже, а теперь обратимся къ заключительной части его грамматики, предлагающей систему стихосложенія.

Эта статья, озаглавленная: «О просώдіи стíхотвóрной» — послѣ краткаго вступленія заключаетъ въ себѣ ученіе о долготѣ и краткости слоговъ, «о степеняхъ (видахъ) стихотворныя мѣры» и «о страстехъ реченій».

Во вступленіи М. Смотрицкій приводитъ въ такихъ словахъ

причины, побудившія его заняться составленіемъ правилъ для сложенія стиховъ [1]).

«Матөій Стрійковскій, каноникъ самоитскій, дѣй славянскихъ хронографъ достовѣрный, въ четвертой своей хронологіи книзѣ пишетъ, Овідіа Славнаго Онаго Латінскаго Поетȣ в Сарматскихъ народъ заточеніи бывша и языку ихъ совершеннѣ навыкша. славянскимъ діалектомъ за чистое его красное и любо пріемное стіхи или вѣрши писавша».

«Заеже возможну стіхотворну художеству в словенскомъ языцѣ и азъ быти судивъ, по силѣ вократцѣ правила его по мнѣ тожде искуснѣе творити хотящимъ, божіею помощію, предлагаю».

Въ основаніи стихосложенія лежитъ знаніе просодіи: эта послѣдняя дѣлится ни просодію орөографическую, имѣющую цѣлью обозначить особенности произношенія (припѣтіе) и просодію, «юже художество стіхотворное под метромъ или мѣрою слоговъ количества, быти глаголемъ».

Стихи, изъ которыхъ слагаются вирши, имѣютъ слѣдующее построеніе: «стіхъ состоитъ ногами (т. е. стопами): нога слогами, слози стихіями или писмены» — здѣсь М. Смотрицкій не различаетъ звуковъ и буквъ; такимъ образомъ въ «познаніе стихотворенія» мы приходимъ чрезъ познаніе «писменъ, слоговъ и ногъ».

Напомнивъ вкратцѣ данное выше дѣленіе писменъ Смотрицкій переходитъ къ слогамъ и ихъ количеству. «Количество есть слога мѣра краткая, или долгая по времени»... «Краткая мѣра есть, яже единѣмъ временемъ состоитъ», долгая — «яже двома временама краткима состоящая»; онѣ обозначаются знаками: ◡ и —.

Согласно приведенному выше дѣленію гласныхъ буквъ и двоегласныхъ и слоги дѣлятся на три разряда; кромѣ того они

1) Здѣсь и ниже правописаніе старопечатнаго текста не сохраняемъ; раскрываемъ титла и опускаемъ надстрочные знаки.

различаются и по положенію и дѣлятся на первые, послѣдніе и средніе.

Но кромѣ этого основного правила, Смотрицкій заимствовалъ еще изъ греческой и латинской просодіи ученіе о количествѣ образуемомъ чрезъ положеніе слога (positio): «положеніемъ слогъ естествомъ (по природѣ — natura) краткій одолжается, есть же положеніе двою согласну, или многшихъ, либо сугубаго, или сугубствующаго единому естествомъ краткому, или общему гласному *припряженіе* (т. е. удлинненіе): бываетъ же или въ единомъ и томжде реченіи, яко: скбрбь, твёрдь, ча̄сть... и т. д. или въ различныхъ, сирѣчь егда первое реченіе кончится на едино согласное, от согласнаго же и послѣдующее начинаетъ, яко: Бо̄г' мой, Спасите̄ль мой, Пише̄т' Петръ и прочая».

Исключенія изъ этого правила возможны въ четырехъ случаяхъ: 1) если «сугубое или сугубствующее» писмя принадлежатъ послѣдующему слову, напр.: Бо̄жё *всес*илне; 2) послѣдующія за гласнымъ «обоящающее съ таемымъ» (т. е. нѣмая съ плавной) дѣлаютъ слогъ обоюднымъ, напр.: смо̆треніе, стӗбліе и др. 3) Союзъ *же* дѣлаетъ долгимъ конечную краткую гласную того слова, къ которому присоединяется, напр.: никто̄же, мене̄ же. 4) Предлоги употребленные, въ сочиненіи, сохраняютъ свою краткость или двовременность: нӑ зӗмлю, ко̆ смерти, но употребленные въ качествѣ приставокъ — слѣдуютъ правилу и удлинняются: пре̄твореніе, за̄ступница и др.

Послѣ этихъ главныхъ и общихъ правилъ слѣдуютъ болѣе частныя: — о долготѣ и краткости возращенія или наращенія (приставки) и приращенія (наставки) (такъ *а* въ приращеніи за двумя исключеніями — долго, и въ склоненіяхъ и въ спряженіяхъ), о не употребленіи *у* въ началѣ стихотворенія, о долготѣ *е*, замѣнившаго древнее ѥ; о долготѣ, сообщаемой конечнымъ ъ и краткости — ь въ томъ же положеніи. Этими мелкими замѣчаніями заканчивается первая часть.

Вторая часть трактуетъ «о степенехъ стихотворныя мѣры». «Степень есть мѣра извѣстная, въ количествѣ слоговъ блюдомая», или — «степень есть мѣрителное слоговъ состояніе». М. Смотрицкій указываетъ, что существуетъ 124 различныхъ родовъ стиховъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительныхъ 28: четыре двоесложныхъ, восемь тресложныхъ, шестнадцать четыресложныхъ, но этихъ послѣднихъ въ своемъ разсужденіи Смотрицкій не касается: «...оставляемъ, яко мнѣе славянъ употребленію служащыя».

Слѣдуетъ перечисленіе стопъ, возможныхъ на славянскомъ языкѣ:

«Двосло́жніи: Спонде́й, ‒ ‒ яко: чи́стый, любы̀,
Пѵрріхі̂й, ◡ ◡ яко: не́бо, мо́ре.
Трохе́й, ‒ ◡ яко: се́рдце, тѣ̑ло.
Іа́мвъ, ◡ ‒ яко: коры́сть, вре́мѧ.

«Тресложніи: Да́ктѵлъ, ‒ ◡ ◡, яко: бы́лїе, че́рпало
’Ана́пестъ, ◡ ◡ ‒, яко: непло̀ды, хода́тай.
’Амфі̂врахѷй, ◡ ‒ ◡, яко: точи́ло, вре́тище.
’Амфі̂макръ, ‒ ◡ ‒, яко: рꙋко́ѧть, любодѣ́й.
Ва́кхїй, ◡ ‒ ‒, яко: вели́кій, клеветни́къ.
Палїмвакхїй, ‒ ‒ ◡, яко: пи́ршество, ны́рище.
Трі̂врахѷй, ◡ ◡ ◡, яко: бде́нїе, ѕе́лїе.
Трі̂макръ, ‒ ‒ ‒, яко: и̂стинный, различный.

Указавъ отдѣльные элементы стиха, Смотрицкій обращается уже собственно къ стиху или вѣршу, который и опредѣляется имъ, какъ «правильное степеней во извѣстномъ родѣ сочиненіе». Всего онъ знаетъ 11 родовъ стиха, но ниже ведетъ рѣчь только о «седми изряднѣйшихъ».

Опредѣленіе состава и сложенія каждаго рода стиховъ и примѣры, сочиненные Смотрицкимъ, приводимъ полностью.

Ѡ Ро́дѣ Стїха̀ ирѡйскагѡ, или шестомѣрнагѡ:

И҆рѡйскїй сті́хъ состои́тъ шестмѝ степе́нми, и҆хже па́тый дактѵлъ є҆сть, ше́стый спонді́й: про́чіи да́ктѵли, илѝ спондіе, ꙗ҆кѡ, [1])

Са́ма́тски новора́стныѧ м8сы стопꙋ̀ пе͛р8,
Тща́щуюсѧ Па́на̃ во ѡ҆бите̑ вѣчн8 за́ѧти.
Хе̑ Црю прийми̇: и бл҃говоли̑, тебе́ с҆ ѻ҆тце̑
И҆ Д8хо҆ ста́ты̑ пѣти оу҆чи Рѡссі́йскїй
Ро͛[2]) на͛, чи́стыми мѣры славе̑ски ѵ҆мны.

Пристеженіе.

Нѣ́когда па́тый сте́пень спонді́й ѡ҆б'е́млетъ: за є҆́же сті́хъ тако́въ спондіи́скїй нарица́етсѧ: и҆́мже или̇ ве́лїѧ ве́щи ко́еѧ честнота̀, ли́бо лю́та ко́его ско́рбь и҆з'ѡбража́етсѧ; є҆гѡ́же ро́да пара́дигма четве́ртый и҆ па́тый ѿ прело́же́ныхъ стїхѡ́въ ирѡ́йскихъ.

Ѡ҆ Ро́дѣ Стїха̀ є҆легі́йскагѡ: или̇ Патомѣрнагѡ.

'Елегі́йскїй сті́хъ, вы́н8 ма́ла ирѡ́йском8 припраже́мый па͛ма̀ сте́пен͛ми состо́итъ: и҆́хже пе́рва два̀ Да́ктѵле зае́͛лютъ или̇ спондіе, припраже́н8 и҆ма сло́г8 до́лг8 пол8степень нарица́ем8.

Про́чїѧ два̀ прнѡ да́ктѵле, и҆маже ꙗ҆кѡ и҆ пе́рвыма двома сте́пенми припра́жет͛сѧ сло́гъ, пол8степень реко́мый, со предид8щи̑ па́тый составлѧ́ющъ степе̑; ꙗ҆кѡ,

И҆сти̑ны да̑дь ми при́сн8 І҆с8се любо́вь.

И҆рѡелегі́йскїй.

Хртѐ є҆ли́ка про́сѧ͛ и҆ны, да̑дь и̑ пребога́те;
Мнѣ̀ тебе сла̑ча́йшїй да́ждь, мене взайма тебѣ̀

1) Здѣсь и ниже примѣры, приводимые Смотрицкимъ передаемъ строка въ строку.

2) Въ первомъ изданіи 1619 г. опечатка—«ѻ҃Р.»

Ѡ Ро́дѣ Стїха̀ їамвї́йскагѡ.

'Їа́вї́йскїѧ мѣры стїхѡ́въ ро́ди сꙋ́ть трї̀надесатоли́чны, ѿ ни́х же двона́десат мнѣ́е оу̓потреблѧемыѧ ѡ̓ста́вльше, є̓ди́ н є̓ξа́метеръ и̓лѝ Трі́метеръ 'Їа́вї́йскїй 'Акатале́ктъ рече́нный, предлага́емъ. И̓́мже бг҃ѝ: 'Їѡа́ннъ Дамаскі́нъ мно́гїѧ соста́ви кано́ны. Состои́т же є̓ξа́метеръ 'Їа́вї́йскїй шестма̀ сте́пенми, ѿтꙋ́дꙋ и̓ шестомѣ́рѣ нарече́нъ: и̓́же чи́ст сы́й и̓ соверше́нъ во всѣ́хъ сте́пенехъ са́мый прїе́млетъ 'Їа́мвъ, ꙗ̓́ко:

Молю̀ 'Їс҃се ѡ̓ста́ви моѧ̀ грехѝ.

Несоверше́нъ же сы́й и̓ нечи́стъ в ко́ем'ждо сте́пени 'Їа́ва прїе́млетъ, и̓лѝ спондї́а, ра́звѣ ше́стагѡ, 'Їа́въ то́чїю прїе́млющагѡ, ꙗ̓́ко:

Поми́лꙋй мѧ ка́ющасѧ Бо́жїй Сло́ве.

Сы́й же хро́, сказѡ́нъ и̓лѝ холїамвъ Гре́чески рече́нъ, во всѣ́хъ прѡ́чїих 'Їа́ва и̓лѝ спондї́а сохра́нь, в ше́стомъ сте́пени прїе́млетъ спондї́а, ꙗ̓́ко:

Пою̀ ти Благода́тнаѧ пѣ́снь, ра́дꙋйсѧ

Ѡ Ро́дѣ Стїха̀ са́фїйска.

Стї́хъ Са́фїйскїй пѧ́тма̀ сте́пенми состо́итъ, пе́рвымъ трохе́емъ, вторы́мъ спондї́емъ, тре́тимъ да́ктѵлемъ, четве́ртымъ и̓ пѧ́тымъ трохе́емъ. 'Емꙋ́ же стїхѡ́въ ро́дови по коє́ждо тре́темъ стїсѣ̀ прилага́ет'сѧ стї́хъ 'Адо́нскїй, двома̀ сте́пен'ми состоѧ́щь, пе́рвымъ да́ктѵлемъ, вто́рымъ спондї́ем, ꙗ̓́кѡ:

Моѵсо Та́тр Са́ма́тск [1]) Бо́гꙋ трїеди́нꙋ,
До́лжную да́й че́сть покло́на со ѵ̓́мны,
Чи́стою Славѧ́нъ, є̓гѡ́, да́вшемꙋ ти
Мѣ́рою пѣ́ти.

---

1) У Смотрицкаго 1619 г. — Са́ма́стк'.

Ѡ ро́дѣ Стїха̀ фале́кска, илѝ є҆дина́десѧтосло́жнагѡ.

Є҆ди́надесѧтосло́жный сті́хъ состо́итъ сте́пе́ми пѧма̀, пе́рвый спонді́емъ и҆ и҆зрѧ́днѣе: илѝ трохе́емъ, ли́бо Ї҆а́мбомъ; вто́рый да́ктѵлемъ; тре́тій, че́ве́ртый и҆ пѧ́тый трохе́емъ, ѧ҆́ко:

Оу҆тѣ́шителю Дꙋ́ше, ѡ҆каѧ́нна
Не пре́зри мене́, хвалꙋ̀ ты даю́ща.

Ѡ ро́дѣ Стїха̀ Глѵ́ко́нска.

Глѵко́нскїй сті́хъ состо́итъ сте́пе́ми трема̀: во пе́рвомъ прїе́млѧ спонді́а, во второ́мъ и҆ тре́тїемъ да́ктѵла, ѧ҆́кѡ:

Оу҆́мъ чи́стъ, и҆ непоро́чное
Да́ждь ми се́рдце Ї҆съ́се мо́й.

Ѡ ро́дѣ Стїха̀ хорїамвї́йска Ѧ҆склипїа́дска:

Ѧ҆склипїа́дскїй сті́хъ четы́ри содéржитъ сте́пени, во пе́рвомъ прїемлѧ̀ спонді́а, во вто́ромъ и҆ тре́тїемъ хорі́амва, въ четве́ртомъ пѵррі́хїа, илѝ, є҆́же то́жде є҆́сть: пе́рвый состоѧ̀ спонді́емъ, вто́рый да́ктѵлемъ и҆ сло́гомъ до́лгимъ, пресѣче́нїе лати́нски cæsura реко́мый, тре́тїй сте́пень заѧ́млющій; четве́ртый и҆ пѧ́тый да́ктѵлемъ, ѧ҆́кѡ:

Ты́ на́шъ хрїстїа́нѡмъ, ѽ дре́во живо́е,
Щи́тъ бꙋ́ди, на дре́вѣ врага̀ побѣди́вшее.

«Про́чыѧ стїхѡ́въ ро́ды произво́лнѣ ѡ҆ставлѧ́емъ: сїѧ̀ и҆ во всѣ́хъ про́чїихъ оу҆до́бное позна́нїе довлѣ́ти сꙋди́вше»—такими словами завершаетъ Смотрицкій обозрѣніе размѣровъ.

Этотъ отдѣлъ завершается двумя небольшими замѣтками о цезурѣ или пресѣченіи, которое необходимо въ стихѣ: «є҆го́ же кромѣ̀ сті́хъ, и҆зрѧ́днѣе же и҆рѡ́йскїй безобра́зенъ є҆сть и҆ не оу҆го́денъ, ѧ҆́кѡ:

Лжи́ви лю́дїе, ле́стни пꙋтїѐ, Гдꙋ ме́зостъ.

Какъ образецъ «чистаго и благоугоднаго стиха», въ которомъ явно слышится «лѣпота» пресѣченія — указываются выше

приведенные образцы гекзаметра. Заключительная замѣтка—объ обоюдности послѣдняго слога.

Третій отдѣлъ посвященъ, какъ упомянуто выше, «страстямъ». «Стра́сть рече́ній е̑сть рече́нїѧ измѣ́ны, мѣ́ры ра́ди стїхотво́рны быва́емаѧ». Здѣсь поясняется, что въ случаѣ невозможности уложить рѣчь въ стихъ, допускаются пріемы, коихъ всего 18: девять страстей изобилія, и столько же — скудости. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ страстей, приведемъ примѣръ, показывающій наглядно, въ чемъ онѣ заключаются.

Такъ, первая страсть изобилія, *πρόσθεσις* или приложеніе—«есть пи́смене и́лѝ сло́га въ нача́лѣ рече́нїѧ приложе́ніе», напр. вмѣсто: лесть—*пре*лесть, вмѣсто: мудрость—*пре*мудрость и т. п. Отложеніе или *ἀφαίρεσις* — наоборотъ, заключается въ отнятіи перваго слога, напр. плоть вмѣсто оплоть. Ἀναδίπλωσις или усугубленіе — повтореніе перваго слога, напр.: естесмы вм. есмы. Ἄρσις или отъятїе—«пе́рвагѡ сло́га въ рече́ніи оу҆сꙋгꙋбле́нагѡ ѿложе́нїе», напр.: е̑ство вм. е̑стество. Ἔκτασις или напряженіе—удлиненіе короткаго слога чрезъ замѣну краткой гласной долгою (по условной таблицѣ предложенной выше) напр.: тѣлеса вм. телеса. Συστολή или ослабленіе — обратный пріемъ. Ἐπέκτασις или распространеніе «есть средѣ̀ рече́нїѧ сло́га приложе́ніе», какъ напр.: соч*е*таніе вмѣсто сочтаніе, ца́р*е*ствꙋю вм. царствую. Συγκοπή или стѣсненіе—обратное сказанному: напр.: чисту вм. чистому. Διαίρεσις или раздѣленіе есть «сло́га еди́нагѡ на два̀ раз᾿ѧтїе», напр.: рад*ꙋи*сѧ вм. ра́дꙋйсѧ. Συναλοιφή или спряженіе есть слитіе двухъ слоговъ въ одинъ: тройца вм. троица и т. п.

Другія «страсти»: — *παρένθεσις* или вмѣще́ніе, *διπασιασμός* или удвоеніе, *παρέλλειψις* или уятіе, *παρέμπτωσις* или приданіе, *ἔκθλιψις* или улишеніе, *προσχηματισμός* или припятіе и *ἀποκοπή* или усѣченіе—представляютъ собою такіе же чисто искусственные пріемы, неизбѣжные для всякаго, кто вздумалъ бы слагать стихи по этой мудреной теоріи.

Имѣла ли она послѣдователей? Отвѣтить на такой вопросъ въ настоящее время кажется намъ нѣсколько затруднительнымъ, но сомнительно, чтобы правила, предложенныя еллинославенствующими грамматиками, начиная съ Ἀδελφότης'а, кончая Смотрицкимъ, были доступны и удобны для сложенія славянскихъ и русскихъ стиховъ.

Интересно отмѣтить, что не только стихотворцы, но и сами составители правилъ стихосложенія — пользуются данными правилами чрезвычайно рѣдко, большею частью лишь для составленія примѣровъ на правила, очень немногочисленныхъ. Большинство же, да и сами теоретики — какъ напримѣръ въ грамматикѣ Л. Зизанія — пользуются либо силлабической системой, либо просто пишутъ риѳмованной прозой.

Изъ приведенныхъ въ перечисленіи у М. Смотрицкаго размѣровъ посчастливилось въ южно-русской, а позже и въ сѣверно-русской поэзіи только двумъ—сапфическому и фалейскому стиху, и то потому, что первый совпалъ съ силлабическимъ сапфическимъ, а второй — съ популярнѣйшимъ одиннадцати-сложнымъ размѣромъ. Что касается «страстей», то нѣсколько выше (гл. V) въ стихотвореніи неизвѣстнаго южно-русскаго автора самаго начала XVII в. нами отмѣчена вставка, по Смотрицкому «распространеніе» (ἐπέκτασις) въ стихѣ:

Царествие вѣчно даний вѣщаē.

Впрочемъ можно думать, что М. Смотрицкій, прилагая къ своей грамматикѣ наставленіе о стихотворствѣ, едвали имѣлъ въ виду научить русскихъ сочиненію стиховъ. Позднѣйшіе же издатели его грамматики, понимая трудность предложенной теоріи или признавая превосходство распространившейся уже повсемѣстно — и въ Кіевской и въ Московской Руси—силлабической системы, въ заключеніе разсужденія прилагаютъ такое послѣсловіе.

«Сїѧ̀ здѣ̀ ѡ хꙋдо́жествѣ пїити́честѣмъ вкра́тцѣ предложишасѧ, ҆не толи́ко ради оупотребле́нїѧ, ҆єли́ко вѣдѣнїѧ. ҆Ибо

а̂ще оу̑ дре́внихъ е̑ллинъ и̑ латі́нъ и̑ в̓велицѣмъ почте́ніи бѧ́ше [по свидѣтелствꙋ мно́гихъ ̓істо́рі́кѡвъ] ѡ̓ба́че ны́нѣ за трꙋдность, мно́гими ̓едва̀ не ѡ̓ставлена, на лꙋ́чшій пло̀дъ и̑ны́хъ хꙋдо́жествъ нꙋжнѣ́йшихъ вре́мѧ златбе житіа̀ своегѡ̀ ѡ̓предѣли́вшими. Изволѧ́ѧй же ѡ̓ сей пространнѣе извѣ́дати, да чита́етъ гре́ческихъ ̔Омира и̑ и̑сі́ѡда, латі́нскихъ ̓Ови́дїѧ, виргилїѧ и̑ про́чихъ и̑ ѡ̓ными мо́жетъ оу̑довольствоватисѧ до сы́тости» [1]).

Впрочемъ и въ предисловіи Смотрицкаго къ грамматикѣ, гдѣ исчисляются различныя школьныя упражненія,—сочиненіе стиховъ не ставится въ обязанность школьникамъ; занятія ихъ ограничиваются слѣдующимъ: «чита́ти по славе́нскꙋ и̑ писа́ти ро̓дѣлне и̑ что́мое выразумѣва́ти лѧ́цнѡ»—а затѣмъ уже слѣдуютъ переводы съ славянскаго языка и на славянскій (л. 1 об. и 2 предисловія).

Хотя скоро еллино-словенская теорія стихосложенія и на практикѣ и въ школѣ была вытѣснена польскимъ силлабическимъ стихомъ, однако Азбуковникъ XVII в. сохранилъ намъ отрывокъ изъ разсужденія о стихосложеніи именно въ только-что описанномъ греческомъ стилѣ. Въ Азбуковникѣ Румянц. Музея № 2, на л. 35 об.—36 упоминается о дѣленіи слоговъ на долгіе и короткіе со ссылкой на дальнѣйшія статьи о «ироическомъ» и «элегіатическомъ» метрахъ. Но этихъ статей ниже не находится, а читается на л. 79 слѣдующее разсужденіе о ямбическомъ стихѣ:

«Іа́мвѝ е҃. сти҃ сицѐ. Гра҃ма҃.

Тебѣ̀, плетꙋ̀, пѣ̀снь, м҃ти, бг҃а̀, сло́ва.

̓Амви̓ же си́цевы̓ сти҃ нарица́етсѧ, поне҃ ѻ̑нъ, ше́сть а҃вовъ в себѣ̀ и̑мать. ̓Амво҃ бо грамоти́цы нарица́ю̓ ча́сть сло́ва. и̑мꙋ́щую в себѣ̀ два̀ сло́га. кра́ткїй и долгі́й. ѧ́коже, тебѣ̀, то̀ е̑сть

1) Цитируемъ по изданію 1721 г. М., которое въ интересующей насъ части, кромѣ указаннаго заключенія, отличается отъ перваго изданія лишь орѳографически, напр. ударенія поставлены по-московски.

ӑмвъ. ȁ ё̆же рещи́, плетȣ. то ё̆сть другі́й ӑмвъ. о̑ си̑ и̑ про́чыѧ разумѣ̀й»[1]).

Примѣра, приведеннаго здѣсь, мы не встрѣчаемъ ни въ одной изъ грамматикъ; весьма возможно, что онъ самостоятельно изобрѣтенъ кѣмъ нибудь, а не заимствованъ изъ печатной грамматики. Что же касается до разсужденія, то оно, хотя и напоминаетъ отчасти словомъ «элегіатическихъ» Л. Зизанія, однако по способу выраженія стоитъ совершенно независимо какъ отъ названной, такъ и отъ другихъ извѣстныхъ намъ грамматикъ XVI—XVII вѣковъ.

Всѣ разсужденія о долготѣ и краткости слоговъ, повторялись въ теченіе долгаго времени, пока перепечатывалась грамматика Смотрицкаго, но и позднѣйшія попытки создать стихосложеніе по образцу греческихъ и латинскихъ метровъ слѣдуетъ признать совершенно неудавшимися — имѣемъ въ виду опыты Востокова и переводы нѣкоторыхъ одъ Горація Фетомъ, хотя эти послѣдніе опыты и построены на иной теоріи долготы и краткости и въ нихъ за долгій принятъ слогъ ударяемый, а не имѣющій то или другое условное графическое изображеніе.

Данный обзоръ попытокъ установить еще въ XVI и началѣ XVII в. систему стихосложенія интересенъ и поучителенъ потому, что показываетъ, какъ велики были запросы грамотной и вообще интересующейся литературой массы читателей, и что они простирались не только на то, чтобы знать правописаніе, а также желали и высшихъ формъ литературнаго творчества, неизвѣстныхъ старинѣ. Но мысль старинныхъ грамотниковъ XVI —XVII вв. сначала никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что для новой, едва нарождающейся, поэзіи приходится воспользоваться готовой, но по разнымъ причинамъ непріятной для ревнителей православія польской формой. Теоретики, не внимая требованіямъ современниковъ, изъ которыхъ образованнѣйшіе

---

1) Ягичъ, Разсужденія старины о церк.-слав. яз., Изслѣдованія по русскому языку. I, стр. 993.

были уже знакомы съ польской поэзіей, переживавшей свой золотой вѣкъ, пытались дать взамѣнъ образца, предлагавшагося этой послѣдней — блѣдное подражаніе отжившей и непримѣнимой къ славянскимъ языкамъ метрической системы. Пытаясь создать нѣчто свое, они не вняли духу времени и ставъ на ложную дорогу не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Ихъ теоріи — послѣдній протестъ противъ наплыва всё усиливавшейся и окончательно взявшей перевѣсъ въ концѣ XVII в. волны западнаго вліянія.

XVI.

Произведенія малорусской поэзіи, какъ искусственной, такъ и народной проникали въ Москву въ XVII — XVIII вв. путемъ сборниковъ, составлявшихся любителями, но этотъ путь былъ не единственнымъ: гораздо болѣе значенія имѣла непосредственная, устная, живая традиція, тѣмъ болѣе, что пѣвцовъ, знатоковъ малорусскаго пѣнія и поэзіи въ Великой Руси, а въ частности въ Москвѣ—было не мало. Малоруссы проникли въ Москву еще въ XVII вѣкѣ, который въ исторіи русской образованности ознаменовался особенно ярко выраженнымъ западнымъ—преимущественно польскимъ и южно-русскимъ вліяніемъ. Сравнительно небольшое количество переводовъ съ западно-европейскихъ языковъ XVI в. совершенно пропадаетъ въ той массѣ, которая относится къ XVII вѣку, главнымъ образомъ ко второй половинѣ его, и среди этихъ переводовъ — первое мѣсто принадлежитъ переводамъ съ польскаго [1]). Наряду съ переводами, въ москов-

1) См. А. И. Соболевскій, Западное вліяніе на литературу Московской Руси XV—XVII вѣковъ, Спб. 1899, и И. А. Шляпкинъ, Димитрій Ростовскій и его время. 1891, стр. 52 и сл.

скомъ образованномъ обществѣ распространяются польскія и латинскія книги [1]) и къ концу XVII вѣка знаніе польскаго языка является принадлежностью образованнаго человѣка. Одновременно съ этимъ въ Москву проникаютъ и южнорусскія сочиненія, прозаическія и стихотворныя [2]).

Сначала, какъ извѣстно, въ Москвѣ отнеслись къ этому движенію, въ частности къ стихотворству на западно-русскій ладъ — враждебно [3]). Но, несмотря на эту враждебность, вирши скоро появляются и при московскихъ изданіяхъ, на подобіе южно- и западно-русскихъ, гдѣ стихи на гербъ, посвященія, предисловія къ читателю, эпиграммы были дѣломъ обычнымъ.

При патріархѣ Никонѣ, покровителѣ малороссовъ, южнорусская поэзія настолько входитъ въ моду, что въ книгѣ «Рай Мысленый» 1659 г. мы уже находимъ обычныя вирши.

Нѣсколько ранѣе въ Москву начинаютъ проникать изъ южной Россіи и Польши представители искусства, безъ сомнѣнія нечуждые и поэзіи: при дворѣ царя Михаила Θеодоровича около 1637 г. музыканты органисты польскаго или малорусскаго происхожденія: Проскуровскій, Завальскій, затѣмъ около 1639 года, шляхтичъ органистъ Симонъ Гутовскій—онъ же и клавикордный мастеръ [4]). Органистъ Василевскій изъ Смоленска, состоявшій въ государевой потѣхѣ въ 1677 г.—также, вѣроятно, былъ полякъ или бѣлоруссъ [5]).

Царю подражали и вельможи, заводя музыкантовъ и пѣвцовъ, обучавшихъ въ свою очередь москвичей своему искусству; путе-

1) О распространенности польскаго и латинскаго языковъ въ Москвѣ въ XV — XVII в., см. данныя, собранныя Шляпкинымъ, тамъ-же, стр. 67 и сл.

2) Свѣдѣнія объ южно-рус. книгахъ, обращавшихся въ Москвѣ XVII в. у Шляпкина, тамъ-же, стр. 118.

3) Случаи враждебнаго отношенія къ малороссамъ въ Москвѣ, тамъ-же, стр. 99 и сл.

4) И. Е. Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей, 177, 169; Домашній бытъ русскихъ царицъ, 483; Опыты, II, 12.

5) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1860, II, Опись мѣщанской слободы № 464.

шественникъ по Россіи, Ванъ Кленкъ, подъ 1676 годомъ сообщаетъ: «знатные русскіе имѣютъ въ своихъ домахъ польскихъ музыкантовъ, которые учатъ ихъ играть на разныхъ инструментахъ, а также обучаютъ ихъ пѣнію» [1]).

Одновременно съ возрастаніемъ вліянія южноруссовъ на свѣтскую пѣсню, возрастало ихъ вліяніе и на церковное и религіозное пѣніе. При этомъ вѣрнѣе всего предположить, что проводниками являлись южно-русскіе иноки, вызванные въ Москву для исправленія книгъ. Объ искусствѣ малорусскихъ пѣвцовъ и о превосходствѣ ихъ надъ московскими въ XVII вѣкѣ свидѣтельствуетъ діаконъ Павелъ Алеппскій, спутникъ патріарха Антіохійскаго Макарія.

«Пѣніе казаковъ, говоритъ онъ, радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца, и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (москвичей) пѣніе идетъ безъ обученія, какъ случится, все равно: они этимъ не стѣсняются. Лучшій голосъ у нихъ — грубый, густой, басистый, который не доставляетъ удовольствія слушателю. Какъ у насъ онъ считается недостаткомъ, такъ у нихъ нашъ высокій напѣвъ считается неприличнымъ. Они насмѣхаются надъ казаками за ихъ напѣвы, говоря, что это напѣвы франковъ и ляховъ, которые имъ извѣстны» [2]).

Отсюда вполнѣ понятно, почему патріархъ Никонъ, заботясь о благолѣпіи церковной службы, оказался однимъ изъ первыхъ покровителей южно-русскаго пѣнія. При немъ въ концѣ 1651 г. прибылъ въ Москву кіевскій пѣвчій Александръ Васильевъ, но одного было мало и посланный за пѣвчими въ 1652 г. священникъ Иванъ Курбатовъ привезъ изъ Кіева архидіакона кіево-

---

1) И. Е. Замысловскій, Сношенія Россіи съ Польшей при Өеодорѣ Ал., въ Журн. мин. нар. пр. 1888, № 2, стр. 206.

2) Путешествіе антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII в., описанное архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ, 4 вып. 1896—98. М. перев. проф. Муркоса, вып. II, стр. 175.

братскаго монастыря Михаила съ одиннадцатью пѣвчими, между которыми главнымъ «творцомъ строчнаго пѣнія» былъ кіевскій пѣвчій Ѳедоръ Тернопольскій. Немного позже, въ мартѣ того же года изъ Кіева въ Москву прибылъ новый хоръ въ девять человѣкъ. Первые пѣвчіе скоро уѣхали обратно, оставивъ въ Москвѣ двухъ товарищей—Александра Лешковскаго и Клима Коновскаго [1]). Въ 1664 г. патріарху Никону по его требованію должны были прислать въ Новый Іерусалимъ «девятиголосовыхъ кантыковъ, да восьмиголосныхъ псалмовъ и обѣдни Милевскаго» — очевидно малоросса — «да трехголосные концерты» [2]). Въ 1666 г. въ царскомъ хорѣ участвуетъ кіевскій «вспѣвакъ» Іоаннъ Календа [3]).

Все это произвело немалое замѣшательство и ропотъ въ рядахъ приверженцевъ Московской старины. По словамъ Андрея Денисова, это «партеское, многоусугубляемое» пѣніе было запрещено патріархомъ Іосифомъ, который слышалъ его у Никона [4]), хотя оно и нравилось царю Алексѣю Михайловичу.

Новое пѣніе было осуждено наряду съ другими новшествами. Отзвукъ этого недружелюбнаго отношенія къ южно-русскому пѣнію сказался позже въ обвиненіяхъ старообрядческой партіи противъ патр. Никона. Въ «сказа́ніи ѡ Ні́конѣ патріа́рсѣ» [5]) вторымъ въ числѣ другихъ обвиненій стоитъ слѣдующее:

«Второ́е: кі́евское пар'тесное пѣние начатъ в цр҃ковь в'води́ти согла́сно мир'ски́мъ, гласолома́телнымъ пѣниемъ». Эта-то «гласоломательность», т. е. разнообразіе пѣнія малоруссовъ, близкая къ разнообразію напѣвовъ свѣтской, народной пѣсни и была причиной быстро распространившагося вліянія малорусскаго пѣнія и въ области религіозной и свѣтской.

---

1) Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ исторіи южно русской литературы XVII стол. Лазарь Барановичъ. Харьковъ, 1885, стр. 46.—Разумовскій, Церковное пѣніе въ Россіи, стр. 210.

2) Русская Истор. библіотека, т. V. 1878, стр. 481.

3) Сумцовъ, тамъ-же, стр. 47.

4) Разумовскій. Церковное пѣніе въ Россіи. М., стр. 209.

5) Рукопись собранія кн. Вяземскаго, О. V, л. 221—227 об.; ниже цитирую л. 223 об.

Ненависть приверженцевъ старины, однако, не могла примириться съ такою новизной въ пѣніи и прибѣгла къ дѣйствительному средству—по крайней мѣрѣ въ той средѣ, на которую разсчитывали авторы, пустившіе въ оборотъ слѣдующую легенду, помѣщенную въ житіи чтимаго старообрядцами инока Корнилія. Здѣсь, послѣ пренія бѣса съ ангеломъ о крестѣ, слѣдуетъ:

«И не по многомъ же времени пойде Корнилій въ церковь Успенія пресвятыя Богородицы на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и слыша спорующихъ въ церкви; и едини глаголаху: «пой по новому!» другія глаголаху: «не поемъ по новому, но по старому; какъ учились, такъ и поемъ, а по новому не умѣемъ». И паки глаголаху: «какъ нибуть пой, токмо не по старому, но по новому»... и много у нихъ преки было и одолѣша новолюбцы темнообразніи свѣтлообразныхъ» [1]).

Но видѣнія не помогли и «новолюбцы» побѣдили: уже въ началѣ XVIII в. малорусская пѣсня завоевываетъ себѣ широкую извѣстность въ Московской Руси.

Петровская реформа не ослабила тяготѣнія москвичей къ малорусской поэзіи и пѣнію. Напротивъ того она отчасти создала тѣ новыя условія и формы жизни, тѣ новые вкусы, которые потребовали и новой легкой поэзіи. Этой легкой поэзіи, изображающей самыя интимныя, задушевныя чувства человѣка, при томъ лишенныя религіозной окраски — не могла дать обществу московская старина. Искусственной любовной поэзіи въ ней не существовало; народная же пѣсня, хотя и достигла замѣчательнаго совершенства (вспомнимъ пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619—20 году) [2]), но опять таки не отвѣчала вполнѣ на запросы новонарождающейся русской интеллигенціи на западно-европейскій ладъ.

Теперь, на встрѣчу новымъ вкусамъ, явились пѣсенки, слагавшіяся заѣзжими пѣвчими малоруссами и семинаристами по

1) Рукопись собр. кн. Вяземскаго О. III, л. 17 об.—18 об. и др. рукописи.

2) См. Извѣстія Имп. Ак. Н. 1852, Буслаевъ, Христоматія М. 1861, столб. 1081 слѣд. и анализъ—его же Очерки, т. I.

западно-русскому образцу. Онѣ охотно усвоивались, особенно такія, въ которыхъ рѣчь шла о любви и ея вліяніи на человѣка и т. п. Л. Н. Майковъ справедливо замѣчаетъ, говоря о литературѣ Петровской эпохи: «зарождавшаяся галантность въ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами высшаго, болѣе образованнаго сословія породила значительное количество любовныхъ стиховъ» [1]).

«Самая нѣжная любовь,—пишетъ нѣсколько позднѣе А. Т. Болотовъ,—толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема» [2]).

Сочинителями пѣсенокъ являлись «разнаго чина люди»: мы знаемъ В. Монса, его повѣреннаго Столѣтова [3]); кн. А. Кантемиръ и В. Тредіаковскій также упражнялись въ писаніи пѣсенокъ—и ими-то получили извѣстность у современниковъ. Но въ общемъ, любовная искусственная поэзія была еще «превеликой диковинкой» и недостатокъ ея восполнялся съ успѣхомъ малорусской пѣсней.

Малорусскіе бандуристы, по свидѣтельству Берхгольца появлялись въ его время въ лучшихъ домахъ Петербурга и были очень любимы [4]),—очевидно, старая традиція XVII в. не исчезла, напротивъ, закрѣпилась путемъ внесенія малорусскихъ пѣсенъ въ рукописные сборники, о которыхъ рѣчь ниже. Можно думать, что при этомъ немаловажную роль сыграли ученики новыхъ школъ, для которыхъ учители иногда выписывались изъ Малороссіи, какъ это было напримѣръ въ Ростовской школѣ Димитрія Ростовскаго въ 1702. и слѣдующихъ годахъ: объ этомъ говорятъ, какъ фамиліи учителей (Мальцевичъ, Богомол-

1) Л. Н. Майковъ, Очерки изъ исторіи литературы XVII — XVIII стол. 1889, стр. 213.

2) Записки А. Т. Болотова, I, ст. 179.

3) Л. Н. Майковъ, тамъ же, стр. 214—216.

4) Дневникъ Берхгольца, ч. I, ст. 243, ч. II, ст. 301 и др.

левскій), такъ и руководства, полные малоруссизмовъ [1]). Тоже явленіе наблюдается и во всѣхъ школахъ, учрежденныхъ епископами-выходцами изъ Южной Россіи.

Такимъ образомъ въ первой же четверти XVIII в. уже выяснились тѣ оба направленія, которыя должна была принять поэзія среднихъ классовъ общества. И дѣйствительно, рукописные сборники большею частью имѣютъ именно такое содержаніе: 1) въ однихъ преобладающимъ элементомъ являются школьные канты, псальмы; 2) въ другихъ главное мѣсто занимаютъ свѣтскія искусственныя и народныя пѣсни, среди которыхъ попадается немало малорусскихъ.

Какъ бы постояннымъ разсадникомъ малорусскаго вліянія въ XVIII в. продолжали быть пѣвчіе, въ числѣ которыхъ было много малороссовъ. Первое мѣсто среди хоровъ занималъ придворный. Мы не знаемъ всѣхъ участниковъ его и не можемъ точно указать всѣхъ малороссовъ, пѣвшихъ въ этомъ хорѣ; ограничимся тѣми немногими данными, которыя намъ удалось собрать, руководясь главнымъ образомъ «Россійскимъ Ѳеатромъ», гдѣ, при перечисленіи дѣйствующихъ въ операхъ лицъ, иногда указываются и фамиліи исполнителей.

Въ 1750 г. 25 ноября была представлена опера Бонекки и Арайи «Беллерофонтъ», въ которой пѣлъ «Ея Императорскаго Величества пѣвчій *малороссіянинъ Марко Ѳедоровъ*» (Полторацкій)[2]).

Въ оп. «Альцеста» [3]) участвовали слѣдующіе малороссы:

1) И. А. Шляпкинъ, Дм. Ростовскій, стр. 330; учебники почти полностью изданы въ Яросл. Епарх. вѣдом. 1863 и 1883 г.

2) Камеръ-фурьерскій журналъ, см. Свѣтловъ, Русская опера въ XVIII ст. Ежегодн. Имп. театровъ, сезонъ 1897—1898 гг., приложенія, кн. 2, стр. 78. Вѣроятно это тотъ малороссіянинъ Маркъ Партурацкій, котораго капельмейстеръ Арайя привезъ въ числѣ артистовъ пѣвцовъ. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, стр. 48.

3) Датирована въ Росс. Ѳеатрѣ, ч. XVIII, 1764 годомъ; «Стихотворство» Сумарокова, муз. Раупаха. Противъ именъ исполнителей помѣчено: «придвор-

Дмитрій Бортнянскій (Адметъ) [1])
Семенъ Соколовскій (Альцеста)
Иванъ Сичевскій (Геркулесъ)
Андрей Трубчевскій (Мениса)
Иванъ Оробевскій (Синоръ)
Ѳедоръ Ладунка (Плутонъ)
Данило Носаченко (Прозерпина)

Въ оперѣ «Цефалъ и Прокрисъ» [2]) участвовали:

Стефанъ Ражевскій (ц. Ерихтей)
Гаврила Марценкевичъ (Цефалъ)
Николай Ктитаревъ (Миносъ).

Какъ и въ первомъ приведенномъ нами спискѣ, здѣсь противъ именъ дѣйствующихъ лицъ помѣчено «придворныя пѣвчія», кромѣ Е. Бѣлоградской, кажется, первой пѣвицы въ придворной оперѣ [3]). Араповъ, добавляя сюда еще Степана Писаренка, называетъ исполнителей пѣвчими графа Разумовскаго, самого природнаго малоросса [4]).

Въ оперѣ кн. К. Д. Горчакова «Калифъ на часъ» въ числѣ исполнителей поименованы: Азерскій (Гіафаръ) и Соколовская (Фатьма), которые, можетъ быть, тоже малорусскаго происхожденія [5]). Придворными же пѣвчими представлены были опера «Танюша или счастливая встрѣча» (1756) И. Дмитревскаго [6])

ные пѣвчіе», при чемъ, какъ видно изъ выписки—женскія роли исполнялись мужчинами. Первое представленіе по Арапову, Лѣтопись р. т.—1759 г., по Лонгинову, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ—1758 г.

1) Впослѣдствіи извѣстный духовный композиторъ, р. въ Глуховѣ (1751—1825).

2) Въ Росс. Ѳеатрѣ ч. XVIII не датирована, стихотворство Сумарокова, муз. Арайа. Араповъ о, с., стр. 47—1755 г.

3) У Свѣтлова, тамъ-же стр. 94 ошибочно показана дочерью лютниста Бѣлоградскаго: она—дочь Мотониса, то же лютниста, вышедшая замужъ за Бѣлоградскаго; противъ ея имени въ спискѣ исполнителей какъ разъ нѣтъ обозначенія, что она—придворная пѣвчая.

4) Араповъ, Лѣтопись р. т., стр. 48.

5) Россійскій Ѳеатръ, ч. XXVI, 1788, стр. 68.

6) М. Н. Лонгиновъ, Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ, стр. 13. Ежегодникъ Имп. театровъ, тамъ-же, стр. 91—92.

и балетъ съ пѣніемъ «Прибѣжище добродѣтели» Сумарокова (около того же времени) [1]).

XVII.

Но наряду съ вліяніемъ малорусскихъ пѣвцовъ, малорусская поэзія распространялась и инымъ путемъ, который прослѣдить нѣсколько легче, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ болѣе прочный матеріалъ. Это не разъ упомянутые выше рукописные, а также и печатные сборники пѣсенъ. Почти во всѣхъ сборникахъ, извѣстныхъ намъ, попадаются пѣсни искусственныя и народныя малорусскаго и польскаго происхожденія. Иногда онѣ подвергаются измѣненію въ самомъ текстѣ, чтò рѣже, а иногда только въ орѳографіи, въ отдѣльныхъ звукахъ, вслѣдствіе неумѣнья великорусса передать оттѣнки малорусской рѣчи.

Къ числу сборниковъ съ значительнымъ количествомъ малорусскихъ пѣсенъ слѣдуетъ отнести рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. XIV, № 127, написанную въ концѣ XVIII в. Это богатое и рѣдкое по подбору собраніе любовныхъ романсовъ, арій, пѣсенокъ разнообразнаго содержанія и происхожденія. Изъ находящихся здѣсь пѣсенъ несомнѣнно малорусскаго происхожденія слѣдующія.

№ 5. «Великꙋю теперь радо̂ть мою на примѣте»....
№ 6. «Добрѣ чюжꙋю жонкꙋ любити»....
№ 7. «Ѿй коли" дождꙋсь я весѣлова время»....
№ 8. «Пойдꙋ в дꙋброво"кꙋ глянꙋ по свѣто"кꙋ»....
№ 16. «Векъ мой и жизнь свою плачю»....
№ 17. «Зѣло тяш'ко невйдить к'то чего желаетъ»....
№ 19. «Доля проклятая матй не[щасная]»....

1) Ежег. Имп. т., тамъ же, стр. 90.

№ 20. «Ѿхъ якъ тѧ҃ко на сер'дцȣ неволя»...
№ 26. «Ахъ какъ в свѣте несносно без' дрȣга мн҃ѣ жити»....
№ 40. «Пьѧнъ ѧ идȣ моя голȣбонка»....
№ 44. «Бѣдȣ тер'плю мати тѧшкȣ»....
№ 45. «'Ахъ бѣда҃ на меня не сȣседъ блис'кй»....
№ 47. «Теперь же ѧ радъ, что поспѣши҃ вла҄»....
№ 48. «Дай по саден'кȣ ѧ хожȣ да ненахожȣся»....
№ 50. «Сердце пропало и шлюбовало что еѣ незабȣдȣ»....
№ 51. «Намилѣйшая товаришко моя»....
№ 52. «Едина мн҃ѣ втѣха вспомню когда»....
№ 68. «'Ахъ свѣте ѧсны, что такъ ȣчинивъ»....
№ 71. «Развѣ вселюбезнѣйшая жалоͦти незнаешъ»....
№ 120. «На зорѣцѣ встанȣ, нарече҃кȣ възгляну»....
№ 121. «Да ужę мои береже҃ки вода понела»....
№ 146. «Гей гей гей, что девчинѣ стало»....

Запись этихъ, равно какъ и другихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ названный сборникъ, крайне небрежная; порой стихи не раздѣлены, кое-гдѣ допущены пропуски.

Въ рукописномъ сборникѣ пѣсенъ, принадлежащемъ намъ [1]), находятся слѣдующія малорусскія пѣсни:

л. 6. «Гоминъ, гоминъ, по дубровѣ» (№ 14).
л. 14. «Во зеліономъ да лузѣ дѣвчина сидѣла» (№ 29).

---

1) Подъ № 7, 28 лл. въ продолговатую 4°, на синей бумагѣ почеркомъ начала XIX в.; первые три листа оборваны, остались только обрывки, конецъ также утраченъ. Полностью сохранилось 46 пѣсенъ, изъ коихъ большинство великорусскихъ народныхъ и искусственныхъ, одна же — вѣроятно семинарскаго происхожденія, на латинскомъ языкѣ. Приводимъ начало: № 25.

Tu pernitie confecta
Eo contentus ne tiran,
Quod quiete mi adempta
Confecisti dolum iam (2)...

—всего восемь строфъ любовнаго содержанія, л. 12.

л. 15 об. «Жито мати (2) жито не пшениця» (№ 33).
л. 18. «Ой на горѣ да женци жнуть» (№ 37).
л. 19. «Какъ посѣвъ мужикъ да у полѣ ячмѣнь» (№ 40).
л. 21. «Да на томъ боку Дунаю, Дунаю» (№ 45).
л. 22 об. «Добре жъ тіи ляхи чиня', що не кумаются» (№ 47).
л. 23. «Да убивъ батько сою» (№ 48).
— ibid. «Ой за гаемъ, гаемъ, гаемъ зелененькимъ» (№ 49).
л. 24. «Дѣду жъ мой, свѣту жъ мой» (№ 51).
л. 24 об. «Да оравъ мужикъ при дороги» (№ 52).
л. 26. (Гей у поля вишня) № 55 — отрывокъ, безъ первыхъ двухъ стиховъ, но далѣе текстъ гораздо полнѣе чѣмъ у Прача, ср. изд. Суворина, стр. 137.
л. 28. «Звелѣла мнѣ маты да ячменю жати» (№ 58).
— об. «Оженився мужичокъ, да взявъ жинку любку» (№ 59) безъ конца вслѣдствіе утраты дальнѣйшихъ листовъ.

Къ пѣснямъ того же происхожденія слѣдуетъ причислить и помѣщенную на л. 17—18 подъ № 38: «Не прельщай меня драгая» — изъ «Москаля чаривныка» И. П. Котляревскаго.

При изданіи пѣсенниковъ, наряду съ любимыми аріями изъ комическихъ оперъ и великорусскими пѣснями, почему-либо имѣвшими извѣстность, издатели прошлаго вѣка включали въ пѣсенники и малорусскія пѣсни.

Въ Сборникѣ пѣсенъ, изданномъ Н. И. Новиковымъ въ 1780 г. находимъ слѣдующія пѣсни, числомъ 21:

Четвертая часть, № 132, стр. 118 «Ахъ! подъ вишнею, подъ черешнею».
№ 51, стр. 54, «Игра въ карты безпокойна, а я игрокъ бѣдный».
№ 55, стр. 58, «Возгласи курлю журавлю по воздуху».
№ 133, стр. 119, «Во городѣ во Кряковѣ».
№ 137, стр. 123, «Пьянъ я иду, моя голубонька».
№ 140, стр. 126, «Ой за вьяромъ дудка лежитъ».

№ 142, стр. 127, «Мандровала пахоля».

№ 143, стр. 128, «Виткиль идешъ? Отъ Дунаю».

№ 146, стр. 130, «У Глуховѣ у городѣ да й всѣ звоны звонять».

№ 148, стр. 132, «Да въ тихого Дунаечку».

№ 152, стр. 137, «Да оралъ мужикъ при дорозѣ».

№ 155, стр. 141, «Чи я жъ кому виноватъ».

№ 167, стр. 152, «Спавши пугачь на могилѣ да вскрикнулъ онъ шугу».

№ 174, стр. 158, «Идетъ козакъ съ Украины, мушкетъ за плечами».

№ 176, стр. 159, «Самъ я не знаю, що чинити маю».

№ 180, стр. 163, «Скажи мнѣ соловейка правду».

№ 181, стр. 163, «Ой послала мене мати рыбы куповати».

№ 191, стр. 174, «Велѣла мнѣ мати зеленъ ячмень жати».

№ 193, стр. 175, «Переходомъ въ чистомъ полѣ заквитлы волошки».

№ 200, стр. 181, «Еще ль кони твои, Фебе»... — искусственная вирша съ слѣдами малорусскаго происхожденія, напр.: похилию.

Въ шестой части того же пѣсенника нами отмѣчены лишь двѣ малорусскія пѣсни — обѣ, вѣроятно, искусственнаго происхожденія.

№ 116, стр. 104, «Стукнулю, грянулю въ лѣсѣ» — текстъ сходный съ рукописнымъ (см. выше, гл. XI), и —

№ 117, стр. 106, «О какъ наше на семъ свѣтѣ житіе плачевно».

Сверхъ того, нѣкоторыя пѣсни Новиковскаго сборника могутъ быть предположительно возведены къ польскимъ оригиналамъ; таковы:

Часть IV — № 161, стр. 146, «Были у Литвинки (2) четыре дочки».

Часть IV — № 188, стр. 170, «Чечотка».

Часть IV — № 192, стр. 175, «Челомъ бью панове могиляне» — разсказъ пилигрима, напоминающій подобные же разсказы въ польскихъ интерлюдіяхъ XVII—XVIII вв.

Въ пѣсенникѣ «Молодчикъ съ молодкою на гуляньѣ съ пѣсельниками, поющими новыя пѣсни» 1790 г. помѣщенныя тамъ малорусскія пѣсни выдѣлены подъ особымъ заглавіемъ (стр. 169 и слѣд.) и съ отдѣльной нумераціей. Всего здѣсь 15 пѣсенъ:

№ 1. «Била жинка мужика», (безъ запѣва вступленія, которое находимъ и въ рукописи И. П. Б. Q. XIV, № 127 пѣсня № 40 и у Новикова—ч. IV, № 137).
№ 2. «Бѣду соби купила, да за свои гроши».
№ 3. «Стояла дивчина на валу».
№ 4. «Скажи мини, повидай».
№ 5. «Овечка косматочка».
№ 6. «Погнала дивчина ягняточки въ поле».
№ 7. «Сама я пшениченьку жала».
№ 8. «Черешенька, вишенька, наробила лишенька».
№ 9. «Да ѣхавъ же козакъ изъ Украины».
№ 10. «Бувъ Сава въ Немировѣ у пана на обиди».
№ 11. «Темная да невидная ноченька».
№ 12. «Дай же мини Боже недиленьки дождаты».
№ 13. «Засвистали козаченьки въ походъ съ полуночи».
№ 14. «Послала мене маты зеленого жита жаты».
№ 15. «Кукурузы (3) дайте».

Кромѣ этихъ пѣсенъ съ большой вѣроятностью къ числу заимствованныхъ у поляковъ чрезъ малороссовъ можетъ быть отнесена пѣсня № 68, стр. 80 «Ты корчма (3)», разсказывающая, какъ проѣзжіе сманили дѣвушку-шинкарку.

Не приводя началъ пѣсенъ, укажемъ только, что напр.

въ сборникѣ Прача[1]) помѣщено 16 малороссійскихъ пѣсенъ (№ 135—150). Хотя г. Пальчиковъ, снабдившій перепечатку этого сборника предисловіемъ, и заявляетъ, что «настоящее изданіе составляетъ перепечатку второго изданія безъ всякихъ измѣненій, кромѣ исправленія самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ въ текстахъ пѣсенъ» (стр. V), однако, что касается малорусскихъ пѣсенъ, то — отмѣтимъ мимоходомъ — онѣ напечатаны не только съ исправленіемъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ, но съ прибавленіемъ новыхъ. Для будущаго изслѣдователя отмѣчаемъ здѣсь результаты сдѣланнаго нами сличенія:

№ 135. «Гей у поли вышня, чому не черешня»... размѣръ [6+6]+[(4+4)+6]²; оставлены ошибки Прача: берешмя, черныя брови, отдоете; а въ ст. 13 вм. котылися—*ка*тылися (однако ст. 15—котылися).

№ 136. «Ой не видтилъ мѣсяць свѣтитъ»..., разм. [(4+4)+6]² оставлено, какъ у Прача: зѣрки, и др.; поправлено: до чужо*и* жинки; въ 4 ст. опущено «й»; въ 15 ст. вм. молодеце (*е* вм. рукоп. ѣ=и) — молоденька.

№ 137. «Чи тоя Кулина живе край дороги»... разм. [6+6]+[(4+4)+6] вм. Гриценька — Гриц*енк*а; вм. въ-вовторокъ — во-второкъ; сп*ы*вае поправлено насп*и*вае, но тутъ же — пѣсеньки и др.

№ 140. «Ой гай⁴ зелененькій»... разм. [6+6]+[(4+4)+6] оставлено, какъ у Прача: тогд*ы* (=тоді), но изъ «минѣ» (опечатка вм. менї)—треба *мене*, а въ предпослѣднемъ стихѣ «да и въ домѣ дбавъ»—превратилось въ «да и въ домѣ *бивъ*».

---

1) Русскія народныя пѣсни, собранныя Н. А. Львовымъ. Напѣвы записалъ и гармонизовалъ Иванъ Прачъ. Спб. 1896. Изд. А. Суворина. Первое изд. 1790, второе 1806, третье 1815.

№ 143. «Въ славномъ городи Переяслави» — вмѣсто «покопалы шанцы», появилась безсмыслица «покопалы танцы»; вм. въ ранцѣ — вранцѣ; вм. изъ — зъ. Ошибки Прача, вродѣ: к*о*завъ, гамонити (вм. гомонити) — оставлены безъ исправленія.

№ 145. «Чи я жъ кому виноватъ...» — извѣстная въ XVIII вѣкѣ пѣсенка — напечатана не вся, а лишь первыя три строки, тогда какъ у Прача — полный текстъ съ незначительными варіантами къ рукописному (см. у насъ выше, гл. XII).

Въ *№ 147* отмѣчаемъ, какъ и въ другихъ—произвольныя соединенія и раздѣленія словъ: вопросительное *чи*? присоединяется къ слѣд. словамъ.

№ 149. «Да просывъ мене Горасимъ[4]...»: пуст*ы* — и въ слѣд. строкѣ — пуст*и*; кое гдѣ оставлено, какъ у Прача: п*и*дкроилы, но почему то поправлено подпоилы.

Такимъ образомъ перепечатка не вполнѣ достигаетъ своей цѣли и не даетъ ни буквальнаго повторенія текста Прача, ни исправленнаго, а между тѣмъ было бы полезно имѣть сводъ старыхъ малорусскихъ пѣсенъ, подобно тому, что̀ мы находимъ въ трудѣ А. И. Соболевскаго относительно пѣсенъ великорусскихъ.

Въ изданіяхъ пѣсенниковъ XIX в. также не рѣдкость малорусскія пѣсни.

«Новѣйшій полный всеобщій пѣсенникъ» вышедшій въ 1815 году въ пяти частяхъ, прибавляетъ сравнительно мало новаго къ тому запасу малорусскихъ пѣсенъ, который данъ старшими сборниками этого рода. Здѣсь мы встрѣчаемъ:

№ 2. «Ѣхавъ козакъ за Дунай».
№ 164. «Ой пійду я погуляю» — арія изъ 4 ч. «Русалки».
№ 306. «На бережку у ставка».

№ 307. «Гей оралъ мужикъ при дорозѣ».
№ 308. «Ой подъ вишнею».
№ 309. «Чи я жь кому виноватъ»
№ 310. «Засвистали козаченьки».
№ 311. «Неходи Грицу на ту улицу».
№ 485. «Биду себѣ купила да за свои гроши».
№ 486. «Да ѣхавъ же козаченько изъ Украины».
№ 511. «Гей пидъ горою, пидъ перевозомъ».
№ 512. «Приди, козаченько, приди».
№ 513. «Да була жъ у мени жинка».
№ 514. «Ой ты дивчина, гордая пшина» (?—пишна).
№ 515. «Ой ты живешь на горѣ, а я пидъ горою».

Чѣмъ позже — тѣмъ менѣе новаго находимъ мы въ пѣсенникахъ: при перепечаткѣ рѣдко дополняются они новыми малорусскими пѣснями. Часто, при большомъ общемъ числѣ малорусскихъ пѣсенъ, мы имѣемъ дѣло лишь съ повтореніемъ, сводомъ того, что извѣстно изъ предшествовавшихъ пѣсенниковъ въ отдѣльности.

У насъ подъ руками «Новѣйшій полный и все общій пѣсенникъ»... Спб. 1818: здѣсь въ четвертой части встрѣчаемъ 27 малорусскихъ пѣсенъ [1]). Гораздо позже, въ пѣсенникѣ «Собраніе русскихъ пѣсенъ» Ѳ. М. Исаева [2]) помѣщено 12 малорусскихъ пѣсенъ, причемъ многія изъ нихъ повторяютъ уже напечатанныя въ старшихъ пѣсенникахъ. И до сего дня въ народныхъ пѣсенникахъ лубочнаго изданія малорусскія пѣсни занимаютъ не послѣднее мѣсто.

Сравнивая приведенные списки малорусскихъ пѣсенъ съ тѣми отраженіями, которыя мы находимъ въ великорусскомъ

1) Нѣкоторыя очень любопытны по примѣчаніямъ, ведущимъ насъ еще въ XVIII вѣкъ: напр. IV ч. стр. 100, передъ пѣсней «На бережку у ставка»: «пѣсня сія была любимою князя Г. А. Потемкина; а по веселому своему голосу который начинается наилучшимъ въ музыкѣ, пѣта бываетъ всякимъ».

2) У меня подъ рукой 9-е изданіе. М. 1856, 16°.

пѣсенномъ обиходѣ нашего времени (эти отраженія отчасти указаны выше гл. IX), мы замѣчаемъ очень мало совпаденій. Отсюда, не безъ основанія можемъ сдѣлать выводъ, что преобладающее вліяніе въ новое время — съ начала XIX в. принадлежало не столько письменной, сколько устной традиціи. Что касается XVIII в.—данныя сборниковъ указываютъ и на присутствіе первой.

XVIII.

Интересно прослѣдить, какое вліяніе, въ смыслѣ созданія новыхъ образцовъ легкой поэзіи, оказала стихотворческая дѣятельность южно-русскихъ выходцевъ въ сѣверной, московской Россіи. Авторы—великоруссы для созданія пѣсенокъ, уже въ первое время появленія моды на нихъ въ образованномъ классѣ русскаго общества, берутъ за образцы вирши южно-русскихъ стихотворцевъ. Подражая имъ въ формѣ, отчасти и въ содержаніи, заимствуя обороты и мысли, повторяя даже малорусскія риѳмы [1]), великоруссы можетъ быть и непреднамѣренно вносятъ въ модныя пѣсенки нѣкоторые народные образы, повторяютъ то, что является обычнымъ въ народныхъ пѣсняхъ, какъ русскихъ, такъ и другихъ народовъ.

Какъ характерный образецъ такого явленія, можетъ быть названа одна элегія, очень близкая къ извѣстной элегіи Ѳеофана Прокоповича «Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи». Эта передѣлка, извѣстна намъ въ рукописи второй половины XVIII в., но не подлежитъ сомнѣнію, что составлена она была гораздо ранѣе, еще въ то время, когда неизвѣстна была новая система стихосложенія, предложенная Тредіаковскимъ и Ломоносовымъ.

---

1) См. напр. у кн. А. Кантемира въ его «Epodos consolatoria», гдѣ онъ, подражая Ѳ. Прокоповичу, допускаетъ риѳмы: зѣло —было, дѣлы — унылый, лиху—утѣху и др. См. Соч. I, стр. 284, 289 и др.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, хотя и отзывается въ 20-мъ письмѣ иронически о стихотворствѣ [1]), однако самъ былъ не прочь отъ писанія стиховъ. Крайне враждебно настроенный по отношенію къ нему архіеп. Филаретъ пишетъ: «Изъ охлажденной эгоизмомъ души его, конечно, не могло изливаться истинно поэтическихъ пѣсней; все чего можно ожидать отъ него,—это сарказмы и остроты и развѣ подогрѣтыя страстями бѣдной души пѣнія» [2]); однако нѣсколько ниже самъ отмѣчаетъ, что канты Ѳ. Прокоповича «долго пѣвались и духовными и мірскими въ собраніяхъ дружескихъ» — чего не было бы при отсутствіи въ этихъ стихотвореніяхъ правды и поэтическаго одушевленія.

Кстати приводимъ списокъ извѣстныхъ намъ латинскихъ и русскихъ стихотвореній Ѳ. Прокоповича.

Въ изданныхъ въ 1743—44 г. «Lucubrationes» [3]) и «Miscellanea» [4]), находится нѣсколько стихотвореній Ѳеофана Прокоповича, изъ которыхъ мы можемъ заключать о его умѣніи владѣть латинскимъ и польскимъ стихомъ.

«Epinicium, «sive carmen triumphale» на полтавскую побѣду. Lucubrationes, p. 123—128 гекзаметръ.

«Epinicium, albo pieśń tryumfalna o tey że przesławney wiktorii», ibid. p. 129—134.—польскій 13 сл. стихъ.

«Elegia eiusdem authoris, in qua divus Alexius voluntarii sui exilii seriem narrat», ibid., p. 135—138.

«Laudatio Boristhenis ab eodem authore composita», ib. 139—140.

---

1) Epistolae Theophani Procopowitz. M. 1776.

2) Архіеп. Филаретъ (Гумилевскій), Обзоръ русской духовн. литер., изд. 3, 1884, стр. 298.

3) Lucubrationes illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Prokopowicz, quae (praeter unam narrationem) iam orationes, iam poemata, iam epistolas in se comprehendunt. Nunc primum in unum corpus collectae et in publicam lucem editae. Vratislaviae. Apud Io. Iacobum Korn. MDCCXXXXIII, p. 166. 8⁰.

4) Illustrissimi ac reverendissimi Theophani. Prokopowicz Miscellanea Sacra, variis temporibus edita, nunc primum in unum collecta publicoque exhibita. Vratislaviae, 1744. Cura Iohannis Iacobi Kornii bibliopolae. Стран. 2 нен.+298 in 8⁰.

«Ad augustissimum... imperatorem Petrum Secundum cum Mosquam tenderet insignia regni capessurus»—поздравительное стихотвореніе, Miscellanea, p. 150—153.

«Descriptio situs urbis Kiioviae», элегическій разм. ibid., p. 154—155.

«Elegia parenetica ad discipulum de servanda vitae integritate», ibid. p. 156—158.

«Elegia ascetica filii ad parentem, a vita monastica ad civilem se sollicitantem», ib. p. 159—160.

Изъ русскихъ стихотвореній Θеоѳана Прокоповича извѣстны по указанію издателей «Словъ и рѣчей» его 1760 г.:

Печатное:

1) Епінікіонъ или пѣснь побѣдная на преславную побѣду полтавскую. Въ Кіевопечерской Лаврѣ, іюля 10 дня 1709 г.

Въ рукописи:

2) Къ Петру Второму.
3) Къ творцу сатиры къ уму своему. 1728 г.
4) На 25 день февраля 1731 г.
5) На приходъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ подмосковное село Владыкино 1732 г.
6) На Ладожскій каналъ. 1733 г.
7) На приходъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ приморскую мызу 1734 г. (по Филарету—1733 г.).
8) О Станиславѣ Лещинскомъ. 1734 г.
9) Надгробная надпись діакону Адаму. 1734 г. (по Филарету).
10) Къ Лукѣ и Варлааму кадетскимъ. 1735 г.
11) Къ тѣмъ же того жъ года.
12) Благодареніе эконому Герасиму отъ служителей домовыхъ за нововымышленный солодъ: 1) отъ Иліи

Интенданта, 2) отъ Неймана, 3) отъ учителя, 4) отъ козака, 5) отъ малыхъ дѣтей, 6) отъ новгородскихъ дворянъ. 1735.

13) Къ лихорадкѣ въ лихорадкѣ.

14) Преложеніе псалма 90.

15) Переводъ изъ книги четвертой 21 Марціаловой эпиграммы на Аѳеиста.

16) Переводъ Скалигеровой эпиграммы на сложеніе лексиконовъ.

Пѣсни:

17) «Кто крѣпокъ на Бога уповае»...

18) «О суетный человѣче, рабе неключимый»... (по Филарету 1724).

19) «Коли дождусь я весела ведра»... 1730.

20) «Прочь уступай»... 1730.

21) «Что мнѣ дѣлать»... 1734 [1]).

Этотъ списокъ можемъ пополнить еще указаніемъ на стихотвореніе Ѳ. Прокоповича, написанное «его трудомъ (labore) на смерть Варлаама Ясинскаго; оно начинается: «Сѣнь и примракъ сѣни ста мертвеннаго тѣла» — и находится въ рукописи Кіево-Михайловскаго мон. № 569 (1718) л. 221.

Изо всѣхъ этихъ стихотвореній лишь немногія пользуются широкой извѣстностью и распространеніемъ въ сборникахъ XVIII в. Вѣроятно поэтому П. О. Морозовъ, анализировавшій дѣятельность Ѳ. Прокоповича, какъ писателя, совершенно — и къ большому сожалѣнію — оставляетъ въ сторонѣ эту сторону его дѣятельности.

Сравнительно бóльшей извѣстностью пользовалось посланіе къ кн. Кантемиру и изъ кантовъ—элегія «Коли дождуся», вызвавшая, какъ выше указано, подражаніе.

1) Списокъ составленъ по указанію оглавленія ненапеч. трудовъ архіеп. Ѳеофана при изданіи его «Словъ и Рѣчей» 1760—1774 г. Спб., т. I; дополненія по «Обзору» арх. Филарета.

Остановимся сначала на элегіи Ѳ. Прокоповича. Она впервые была напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ его «Лѣтописяхъ» [1]), позже перепечатана съ исправленіемъ въ 11-мъ стихѣ [2]) и объяснена [3]) В. Я. Стоюнинымъ. Вотъ эта элегія для сравненія съ передѣлкой.

«Плачетъ пастушокъ въ долгомъ ненастіи».

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ?
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно,
Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, о многобѣдно
Мое счастье;
Хотя жъ малую явитъ отраду
И поманитъ,
И будто [нѣчто] [4]) польготитъ стаду,
Да обманетъ.
Дрожу подъ дубомъ, съ крайнимъ гладомъ
Овцы таютъ,
И уже весьма мокротнымъ хладомъ
Изчезаютъ.
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ

1) Лѣтописи р. лит. и древн. т. V, отд. III, стр. 37, по рукоп. XVIII в. И. П. Библ. Q. XIV, № 6.

2) «Сочиненія, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира», съ статьею и примѣч. В. Я. Стоюнина (ред. П. А. Ефремова). Спб. 1867, I, стр. 283.

3) Тамъ же, стр. XLI; другія объясненія у П. О. Морозова, «Ѳ. Прокоповичъ какъ писатель». Спб. 1880, 378.

4) Вставлено Стоюнинымъ по догадкѣ и вполнѣ оправдывается чтеніемъ другихъ рукописей.

И кручины.
Потчися, Боже, насъ свободити
От печали,
Наши насъ дѣды къ тебѣ вопити
Научали.

Кромѣ рукописи, извѣстной Тихонравову и Стоюнину, эта элегія сохранилась въ рукописяхъ: И. П. Библ. Q. XIV, № 19 л. 118 об. (до 1754 года), Q. XIV, № 128, л. 7, Q. XIV, № 2, л. 41 об. (на нотахъ); Тверского Музея № 156 (3214) пѣсня № 23 [1]).

Смыслъ элегіи ясенъ, хотя и выраженъ иносказательно: поэтъ грустить въ ожиданіи красныхъ дней для представителей науки и образованности въ Россіи, осиротѣвшей послѣ смерти Петра Великаго, но надеждъ мало на счастье. Съ каждымъ днемъ число ревнителей просвѣщенія (овецъ) таетъ, а пастырю [2])

1) Приводимъ варіанты изъ первыхъ двухъ рукописей:

Q. XIV. № 19 л. 118 об., помѣчено: 3, заглавія нѣтъ, противъ четныхъ стиховъ—«2». Ст. 11—«быто нѣчто поглотитъ»...; 12 — «обманитъ»: 13 — «а крайни»...; 16—«исчезаютъ»; 21—«Почщися.

Q. XIV, № 128 л. 7 и об., помѣчено: 6, безъ заглавія, противъ каждаго стиха «2». Ст. 11 — «нѣчто поглоти»; 12 — «ѡбманить»; 13 — «а крайны»...; 15—«и ужъ»; 16—«изчезаютъ»; 17—«пяты»; ст. 18—19 по недосмотру опущены; 20—«почщися»; 23—«к тѣбѣ вопѣти».

2) Ѳ. Прокоповичъ называетъ себя «пастушкомъ» согласно модѣ своего времени: Стефанъ Яворскій въ письмахъ къ Петру В. часто подписывался «Стефанъ, пастушокъ рязанскій». Валдайскій попъ, авторъ стиховъ «Предисловіе во привѣтство царскому величеству врученное 1718 года марта 19 дня» подписался:» «всенедостойнѣйшій пастушокъ Михаилъ валдайскій земле мещуся» Соч. А. Кантемира, I, стр. XLII; Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В. I, стр. 368 и 370. Эту тему—сравненіе духовнаго вождя съ пастыремъ, пасущимъ стадо—встрѣчаемъ также въ одномъ стихотвореніи неизвѣстнаго мнѣ русскаго автора, вѣроятно, составителя учебника Риторики «Mercurius in regno acquisitae ferro libertatis neorhetoribus kiiovomohilaeanis liberam dicendi vocem suppeditans». A. D. 1693. На л. 68 об. стихи на смерть архіеп. Лазаря Барановича:

Чесо ради сей Пастиръ сѣмѧ свое сѣетъ?
Или словеснымъ овцамъ брашно недоволѣетъ?
Или ѥ непаснаѧ сердецъ нашихъ нива?
Тѣмъ же его требуетъ к такой дѣлѣ жива.
Сей ѥ добрый нашъ Пастиръ, аще и вмѣти?
Но любовь его ко намъ не можетъ умѣти,

(Θеофану Прокоповичу) приходится дрожать за свою участь въ борьбѣ съ интригами старомосковской партіи, возродившейся по смерти Преобразователя; пятый день—пятый годъ по смерти его. Такимъ образомъ это — политическое стихотвореніе, выражающее вмѣстѣ съ тѣмъ угнетенное нравственное состояніе автора. Можно догадываться, что эта элегія—не единственное выраженіе грустныхъ мыслей Прокоповича: даровитый публицистъ, обладавшій недюжиннымъ литературнымъ и общественнымъ талантомъ, безъ сомнѣнія, и раньше пробовалъ свои силы въ сочиненіи стиховъ на подобныя темы.

Если наша догадка справедлива, то Θ. Прокоповичу принадлежитъ и польское стихотвореніе въ рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря № 526 (1748), разработывающее ту же тему о недовольствѣ міромъ, но безъ всякихъ политическихъ намековъ.

Вотъ это стихотвореніе, съ сохраненіемъ правописанія рукописнаго текста [1]).

Cantus A: P. Procopowicz.

л. 15 об. Czemu dusze moia tak tęskni mysł twoia'.
Często ciężko ięczy, a niewiem co dręczy.
Jak mam byc wesoła, niewidzę nic zgoła,
Coby mie cieszyło, a wszystko nie miło.
Na czym że ci chodzi, codzień słonce wschodzi.
Gdzie rzucisz wzrok chciwy, wielkie widzisz dziwy.

Понеже в'сегда свой словесный стада,
Ѿ вѣчнаго желаѐ сохраниты глада.

Рукоп. собр. кн. Вяземскаго Q. LXXXVI, четкой южнор. скорописью.

1) Сборникъ 1740-хъ годовъ; кромѣ этого стихотворенія, содержитъ: Трагедокомедію Г. Кониского «Воскресеніе мертвыхъ» (л. 1—15 об.), и выписки изъ Филона (л. 60), Аристотеля (л. 59) и Марціала, напр:

Marcialis in Zoilum.
Mentitur qui te vitiosum Zoile dixit:
Non vitiosus homo, es Zoile vitium (л. 60).

Rrzekła bym, że grzechy nie daią pociechy,
Lecz krzyż Chrystusowy wybiia to z głowy.
Coż serce podżega? cożci tak dolega?
Coż tak ciebie trwoży y coraz bol mnoży?
Widzisz moy kochany, yak swiat iest zmieszany,
Do gury nogami, a na doł głowami.
Zła nieprawosc skacze, a niewinnosc płacze.
Czego kto nie widzi ten sam w siebie szydzi.
Coż nam po tym dusze, bo prawdą rzec musze,
Coż nam do cudzego, dobrego czy złego?
Jakaś moc takowa, prawie magnesowa
Cudze powodzenie kładzie na smucenie. ||
л. 16. Nade wszystko boli, ze prawda w niewoli,
A prawda Bożego słowa niezmiernego.
Jawnie się to toczy lubo stulam oczy,
A serce się kraię, niewiem iak zyc daię.
To iedyno cieszy y w ufnosc nie grzeszy,
Ze zycia Bog strona ten całe pokona (?).

Пріемъ—бесѣда со своей душой, умомъ—встрѣчающійся въ I сатирѣ Кантемира, яркое недовольство свѣтомъ, въ которомъ всё идетъ наоборотъ, порокъ торжествуетъ, а невинность плачетъ, страданіе за правду, находящуюся въ плѣну, въ неволѣ — все это позволило бы причислить это стихотвореніе къ числу произведеній Ѳ. Прокоповича, написанныхъ еще въ кіевскій періодъ его дѣятельности. Оно дошло до насъ въ неисправной копіи; можетъ быть, кое-гдѣ и подправлено не въ мѣру усерднымъ писцомъ. Но настроеніе, общее съ первой элегіей, даетъ основаніе думать, что и это стихотвореніе, озаглавленное именемъ Прокоповича, хотя и съ странными «А. Р.» [1]) принадлежитъ этому автору.

1) Можетъ быть, заглавіе слѣдуетъ читать: «cantus Archiepiscopi Patris Procopowicz» или «cantus A P[atre] Procopowicz [scriptus].

Тяжелыя политическія обстоятельства пяти лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Петра В., вѣроятно заставили Прокоповича вернуться къ темѣ о несовершенствѣ жизни и ея случайностей, разрушающихъ дѣло Преобразователя.

То же настроеніе—недовольство жизнью, исканіе лучшаго, отчаяніе найти его и т. п. находимъ въ цѣломъ рядѣ пѣсенокъ XVIII в. съ особенной полнотой сгруппированныхъ въ любопытномъ сборникѣ И. Публ. Б. Q. XIV № 127, относящемся ко второй половинѣ XVIII в. Судя по его составу, текстамъ, по строенію стиховъ, многія изъ стихотвореній восходятъ къ началу вѣка 1). Въ особенности это относится къ элегіи № 7, л. 10 и обор.

л. 10 Ѡй колим дождѸсь я веселова время
колй с҆ сер'дца з'бѸдѸ тяжестное бремя 2ж
ѻ̆й колй дадѸсь я весѣлых д'ней к'ра̑ных
ѻ̆й колй явит'ся мі̑ть небѣсъ яс'ных 2ж
к'рѸгом потемнѣла свѣта невйдатй
грозит небо г'невом до'лга доб'ра ж'дати 2ж
с'тою по̑дѸбѣмъ г'лежѸ перемѣны
воз'вѣдѸ в'вѣр'хъ ѻ̆чй невижѸ ѿмѣны 2ж
со всех сторон тем'ныї ѡ̆б'лакъ настѸпаетъ
стра̑ными мол'нїї Ѹжас'но блистаетъ 2ж
трѣтїї дн҃ь в дороге невижѸ Ѻрады
нетъ и прйятеля нескимъ мѣть порады 2ж
ѹ̇вы мнѣ҃ с'тран'но бѣззащиты сѸща
Ѹвы нй ѿкѸда помощи йм'Ѹща 2ж
ѡ̆й колиб воз'можна мѣть пѣрья ѡ̆рловы
колибы достать мож'но крылья дадѣлевы 2ж
полѣтел'бы тѸда кѸда мыс'ль с'правляе
ѻ̆й гдѣ мое сер'дце в радос'ти жит чае 2ж
трѸд'ная дорога й немі̑ть неба

1) Судя по сходству съ стихами цесаревны Елизаветы, Монса и Столѣтова, приведенными у Л. Майкова, въ Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII стол. 1889, стр. 212—216.

нелзя с'пѣшить с'кора кꙋда м҃нѣ потрѣба 2ж ||
л. 10 об. Пробꙋдися ѿ сна совѣс'ть любѣз'ная
. то'книся с' слезамй в' двѣри небѣсная 2ж
стань в надежде к'райней во'зови ко Богꙋ
ӧ т'вою исправи҃ в замысла҃ дорогꙋ.. 2ж

Какъ и элегія Прокоповича о пастушкѣ, это стихотвореніе отличается малоруссизмами, обличающими его происхожденіе: мѣть порады 12, мѣть 15, справляе 17, чае 18, потрѣба 20. Сборникъ, а въ частности эта пѣсня, переписаны несомнѣнно великоруссомъ, о чемъ говорятъ многочисленные случаи аканья: веселова, потемнѣла, глежу и др. [1])—и такимъ образомъ малоруссизмы принадлежатъ тому оригиналу, который послужилъ составителю сборника.

Сравнивая эту элегію съ элегіей Прокоповича, помимо общаго сходства въ построеніи, мы можемъ отмѣтить нѣсколько совпадающихъ выраженій, которыя показываютъ, какъ близко старался держаться своего образца авторъ подражанія: особенно сходны первыя четверостишія и 6, 8 стихи нашей элегіи съ 13, 18 ст. элегіи Прокоповича. Отсюда становится ясно, что подражатель въ первой части своего стихотворенія воспользовался нѣсколькими образами и выраженіями, заимствовавъ ихъ изъ литературнаго источника.

Что касается второй части элегіи ст. 15—24, то она заслуживаетъ также внимательнаго изученія.

Въ любовной малорусской пѣснѣ, какъ кажется, сложившейся не безъ вліянія искусственной школьной поэзіи, и дошедшей до насъ въ спискѣ начала XVIII в. мы имѣемъ параллель къ второй части анализируемаго стихотворенія:

Гди бимъ я мавъ орловіе крила,
Лѣтавъ бимъ до тебе, мила! (2)

---

1) Напр.: такова, *гразить*, постовляя, покожи, понела; кромѣ того—отехчаетъ, посклизнулся и пр.

Умилъ бымъ я ся на твоимъ двурѣ,
Абымъ тебе обачилъ въ сънѣрѣ. (2[1])

Этотъ оборотъ, такимъ образомъ не чуждъ старинной малорусской поэзіи начала XVIII в., такъ же, какъ и первая часть подражанія.

Вторая часть, съ заключающимся въ ней оборотомъ: ой коли бъ возмо́жна мѣть пѣрья орлиные и т. д. примыкаетъ къ ряду народныхъ пѣсенъ, развивающихъ символъ: сильное желаніе, порывъ воли=полетъ птицы, ея крылья.

Въ развитіи и разработкѣ этого символа въ народной пѣснѣ наблюдаются три главныхъ момента:

1) просьба, обращенная къ голубю (или другой птицѣ) слетать къ милому (=милой, матери и т. д.)

2) желаніе просящаго имѣть самому эти крылья и быстроту птицы.

3) Превращеніе просящаго въ птицу: символически выраженное желаніе пріобрѣтаетъ конкретное реальное значеніе.

Въ результатѣ такихъ видоизмѣненій—забвеніе первоначальнаго смысла символическаго параллелизма и превращеніе образа—въ миѳъ.

Для поясненія нашей мысли приведемъ рядъ примѣровъ, располагая ихъ сообразно намѣченному порядку.

1) Прежде всего укажемъ пѣсни, заключающія въ себѣ только намекъ на превращеніе: желаніе перенестись далеко; но за невозможностью этого, пѣвецъ обращается къ птицѣ съ просьбой помочь ему, напр.

Соловеюшка премилый,
Ты вездѣ можешь летать:
Полетай въ страны веселы,
Въ славный городъ (лети) Ярославль,
Тамъ взыщи ко дружка милаго...

1) Рукоп. пѣсенникъ М. Грушевскаго, Сьпіванникъ з початку XVIII в. (1717—27 гг.); см. Записки Науков. Товар. імени Шевченка т. XV, стр. 11.

Дѣвушка проситъ передать милому поклонъ и сообщить, что ее выдаютъ за старика [1]... Въ нѣсколькихъ варіантахъ разработывается эта тема, и вездѣ неизмѣняемымъ, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ пѣсни, сосредоточивающимъ вниманіе пѣвца, является это порученіе соловью, или голубю (№№ 286, 287, 288), хотя и мѣсто дѣйствія и другія подробности мѣняются (города Ярославль, Еруслань, Владиміръ).

2) Герой пѣсни не удовлетворяется порученіемъ птицѣ передать интересующее его близкому лицу или посѣтить его. Герой самъ желаетъ имѣть крылья и перенестись, куда его влечетъ желаніе. Это положеніе изображается также въ пѣсняхъ, но не одного сюжета.

а) Въ сербской пѣснѣ о Косовской битвѣ разсказывается, что послѣ погибели сербскаго войска и стараго Югъ-Богдана съ девятью сыновьями—

«Бога моли Југовића мајка,
Да јој Бог да очи соколове,
И бијела крила лабудова,
Да одлети над Косово равно
И да види девет Југовића
И десетог стар-Југа Богдана [2]).

б) Въ рядѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ, а также въ литературной обработкѣ И. И. Дмитріева встрѣчаемъ такую пѣсню: дѣвушка выражаетъ желаніе слить себѣ легкія крылышки *изъ воску* и полетѣть туда, гдѣ милый (ср. въ элегіи: *крылья дадълевы*, ст. 16). У Лаговскаго, на вопросъ:

«О чемъ милая моя тоскуешь,
Ну что сдѣлалось душа съ тобой»?..

1) Соболевскій, Великорусскія Нар. пѣсни т. II„ стр. 234, № 285 и слѣд.
2) Вук Караџић, Српске народне пјесме, II, № 48.

дѣвушка отвѣчаетъ:

«Я солью изъ воска крылья,
Легки крылышки себѣ»... [1])

У Романова въ бѣлорусской пѣснѣ явно заимствованной у великоруссовъ:

«Превлестная дѣвчоночка, превлестила ты мене,
Жисть наша съ тобой нещастная, што ўлюбився
я ў тебе.
Не жалавъ ба больше щастя — сизы крылушки сабѣ,
Не медливъ ба часъ—минуты, стрепенувся бъ,
полетѣвъ», —

сѣлъ бы Машѣ на правое плечо и распросилъ бы, любитъ она или нѣтъ [2]).

Въ обработкѣ Дмитріева пѣсня состоитъ изъ трехъ строфъ, изъ которыхъ только послѣднія двѣ имѣютъ для насъ интересъ:

«Къ удаленію удара
Въ лютой злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра·
Легки крылышки себѣ —
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула,
Хоть однажды на него.
А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской,
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;

1) Лаговскій, Народныя пѣсни Костромской, Вологодской, Новгор., Нижегор. и Ярославской губ. Череповецъ, 1877, I, стр. 3, № 7.
2) Е. Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, т. I, Губ. Могилевская, вып. I—II. Кіевъ, 1886, стр. 112, № 32.

Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди, какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила...
Научите не любить» [1])

Изъ сличенія съ народными пѣснями обработка Дмитріева поражаетъ своей искусственной сентиментальностью, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ ней мы имѣемъ повтореніе народнаго мотива. Дмитріевъ имѣлъ возможность воспользоваться какою-то недошедшей до насъ версіей пѣсни и обработалъ её по своему. Совпаденіе съ двумя, приведенными выше, народными пѣснями показываетъ, на нашъ взглядъ, что онѣ сложились въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ обработки Дмитріева, которая могла проникнуть въ народъ еще съ конца XVIII в. чрезъ пѣсенники.

Пѣсенка Дмитріева была не единственной обработкой народно-поэтическаго образа: въ прошломъ вѣкѣ была еще въ модѣ другая пѣсенка, также сентиментальнаго характера: «Я птичкой быть желаю, вездѣ что бы летать», извѣстная по пѣсенникамъ («Молодчикъ съ молодкою» Спб. 1790, № 23) и осмѣянная И. А. Крыловымъ въ комедіи «Пирогъ» (1801 г.) [2]).

Вышеприведенныя народныя пѣсни опираются, какъ на источникъ — на пѣсенку Дмитріева; независимы отъ этой последней, а можетъ быть даже гораздо старше ея — пѣсни, перепечатанныя у Соболевскаго, т. V, №№ 100, 571, 572—581;

здѣсь — № 100:

Еслибъ я была вольною пташечкой...
...Кудабъ вздумала, туда бы и полетѣла...

1) Сочиненія И. И. Дмитріева, ред. и примѣч. А. А. Флоридова, 1893. I, стр. 128—129. Впервые стихотвореніе напечатано было въ Московскомъ Журналѣ, 1792, ч. VII.

2) См. мою брошюру «И. А. Крыловъ, какъ драматургъ». 1895, стр. 31.

№ 571—573:

Кабы мнѣ молодчику нажить прежню волю,
Нажить прежню волюшку — мнѣ сизыя крылья
(Эхъ) взвился бы высоко я, улетѣлъ далеко.....

№ 574:

Больше счастья не желалъ бы —
Сизы крылушки имѣть....
Ужь я взвился бы, опустился бы
Предъ сударушкой своей.....

Тоже съ передѣлкой рѣчи отъ лица дѣвушки, съ незначительными варіантами № 575, 576 —

№ 578—579:

...Кабы крылышки имѣла,
Такъ сейчасъ бы улетѣла....
...Если бъ были у меня сизы крылья
Сизы крылья, сизокрылышки
Сизокрылышки златоперыя,—
Я взвилася бы высокохонько,
Полетѣла бы далекохонько.

Болѣе сходна съ пѣсенкой Дмитріева и, можетъ быть, послужила ей оригиналомъ пѣсня № 580, гдѣ:

....Я солью изъ воску крылья,
Легки крылышки себѣ,
Я взвилась бы, улетѣла
Жить на родину свою....

Какъ бы косвенное подтвержденіе нашего предположенія находимъ въ угрорусской пѣсенкѣ, относящейся къ этому же разряду:

«Ко былъ я мавъ курчи крыла,
Полетѣвъ бы тамъ, де мила,

Тамъ де мила ленокъ мочитъ,
Заплакала чорни очи» [1])

Модный романсъ «Я птичкой быть желаю, вездѣ чтобы летать» и т. д. повліялъ на созданіе пѣсенъ того же собранія, т. V, № 577, гдѣ дѣвушка, жалуясь на покинувшаго ее милаго, говоритъ:

...«Желала бъ эту птичку,
Чтобъ вездѣ могла летать;
Слетала бъ въ ту сторонку,
Гдѣ мой милой живетъ»...—

а также—№ 715:

...«Я бъ желала себя вольной птичкой,
Я бъ могла вездѣ летать,
Я бы всё-про-всё спознала»...

Варіанты—№ 713, 714.

в) На границѣ между изображеніемъ въ пѣснѣ уже исполнившагося желанія и подготовительныхъ моментовъ находится символъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ. Здѣсь еще нѣтъ грубо-конкретнаго пониманія превращенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что при народной вѣрѣ въ «чары» возможно почти отожествленіе воображаемаго полета съ дѣйствительностью.

Эти пѣсни относятся къ разряду семейныхъ, описывающихъ тяжелую жизнь молодой въ новой для нея семьѣ мужа. Намъ извѣстны варіанты великорусскіе, бѣлорусскіе, польскій — всѣ они очень схожи, порой до буквальнаго совпаденія.

Великорусскій варіантъ содержитъ жалобу женщины: её выдали на чужедальнюю сторонушку, гдѣ житье тяжело.

«Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,

1) Угро-русскія народныя пѣсни, собр. Г. А. Деволланомъ. Спб. 1885, стр. 106.

Горемышной пташечкою кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву».

Матушка спрашиваетъ у близкихъ, что это за пташка: родная сестра высказываетъ предположеніе, не старшая ли сестра ея залетѣла съ чужой стороны [1]).

Почти буквально сходенъ съ великорусскимъ варіантъ Романова [2]), только съ нѣсколько инымъ концомъ. Бѣлорусскій же варіантъ у Шейна [3]), съ инымъ запѣвомъ, относится къ послѣдней группѣ: здѣсь превращеніе высказывается уже не въ смыслѣ предположенія, желанія, а увѣренно, какъ возможный, и испытанный фактъ:

«Обернулася молодая
Сизою зязюлей...».

Польская пѣсенка сходна съ великорусскою и бѣлорусскою: мать выдала дѣвушку замужъ, велѣла навѣщать:

Przemienię ja się w siwą zezulkę
I tam polecę.
Siędę w sadeńku, przy liliu ziołeńku
I kować będę.

Она жалуется сестрѣ, матери. Ее узнаетъ братъ [4]).

Тотъ же образъ молодой женщины, птичкой летящей къ ма-

1) Сахаровъ, Сказанія р. народа, т. I, кн. 3, стр. 208.

2) Романовъ, Бѣлор. сборн., вып. I—II, стр. 51; тоже у Дмитріева, Собраніе сказокъ, пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверозападнаго края, Вильно, 1869, стр. 63.

3) Бѣлорусскія пѣсни, собр. П. В. Шейномъ. Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. V, стр. 524, № 419.

4) Pieśni ludu, zebrał Zygm. Gloger. Kraków, 1892, str. 192, № 68.

тери—въ малорусской пѣснѣ у Метлинскаго[1]), въ литовской—у Нессельмана[2]).

3) Во время долгаго литературнаго существованія—въ устахъ или на письмѣ—обработокъ сказаннаго образа-символа, онъ постепенно принимаетъ конкретное реальное значеніе. Это видѣли мы въ помянутой пѣснѣ изъ сборника П. В. Шейна; тоже находимъ въ болгарской пѣснѣ сборника Безсонова: нѣкто Тиланъ сидитъ въ цареградской тюрьмѣ девять лѣтъ. Его мать, стосковавшись, покупаетъ восковую свѣчу, зажигаетъ её предъ иконой и молится Богу:

«Я създай мя Божне-ле...
...Какву мя годе гадинку»—

чтобы ей посмотрѣть, слетавши въ Цареградъ, на Тилана.

«Бре че тъй сѣдѣ Господь да ю слушѣ,
Та ми ю създаде
Сиву—бѣлу гълубку.
Та си фръкну Тиланова та майчица,
Фръкну и подфръкну
Та на Цариградъ отиде,
Въ Цареграшки-тѣ тъмници,
Та си кацнула, та гугомъ гугуваше
И дребне сълзе ронѣше...[3]).

Сюда же можно отнести и пѣсню у Романова I—II, № 78, стр. 41 и Ѳ. М. Истомина, Пѣсни русскаго народа, 1899, стр. 255—6.

Съ теченіемъ времени первоначальный смыслъ образа-символа забывается, и поэты и народная фантазія подъ вліяніемъ

---

1) Метлинскій, 255.
2) Nesselmann, Littauische Volkslieder, № 281; Потебня, Изъ записокъ по рус. грамм. I, 2-е изд., стр. 273.
3) Болгарскія пѣсни изъ сборника Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и др. болгаръ издалъ П. Безсоновъ, вып. I, стр. 51 и сл., № VII.

представленій объ оборотняхъ, о зачарованныхъ и превращенныхъ людяхъ превращаетъ въ сказку то, что ранѣе служило только оборотомъ рѣчи, образнымъ выраженіемъ,—такъ сказать, оболочкою человѣческой мысли. Къ этому моменту развитія основного значенія анализируемаго образа-символа относятся такіе миѳы, какъ сказаніе о Семирамидѣ, превратившейся въ голубя, которое со словъ Ктезія передаетъ Діодоръ[1]), и какъ граціозная повѣсть о Цеиксѣ и Гальціонѣ, разсказанная въ «Метаморфозахъ» Овидіемъ. Къ подобнымъ же сказочнымъ обработкамъ, подъ вліяніемъ средневѣковыхъ вѣрованій въ чародѣйство слѣдуетъ отнести и эпизодъ итальянской новеллы о превращеніи дѣвушки въ птицу (ястреба) и обратное превращеніе съ помощью травы мелиссы[2]).

Пѣсни у Gloger'a, o. c., str. 209, № 96 и I. Świętk'a, Lud nadrabski, Kraków 1893, str. 193, № 22, а равно и руна 38 Калевалы, гдѣ также идетъ рѣчь о превращеніи дѣвушки въ птицу и др. животныхъ съ цѣлью избѣгнуть преслѣдованія молодца — къ нашему сюжету не относится; она примыкаетъ къ ряду разсказовъ и пѣсенъ о загадкахъ для испытанія ума и ловкости. О значеніи же подобныхъ загадокъ см. у Дикарева, О царскихъ загадкахъ, Этногр. Обозр. кн. XXXI (1896 г. № 4), стр. 1—64.

Подводя итогъ изслѣдованію второй части элегіи, составленной въ подражаніе элегіи Ѳ. Прокоповича неизвѣстнымъ авторомъ, заключаемъ, что, пользуясь въ первой части литературнымъ образцомъ, во второй онъ послѣдовалъ народной поэзіи и повторилъ одинъ изъ распространенныхъ образовъ ея—явленіе въ поэзіи XVIII вѣка не единственное. Сказанное относится, впрочемъ, не къ той поэзіи, которая блистала при дворѣ и слу-

---

1) liber II, cap. XX; Халатьянцъ, Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Москва. 1896, стр. 149 указываетъ и иную версію миѳа о Семирамидѣ у армянъ.

2) А. Н. Веселовскій, Вилла Альберти, 270—272; здѣсь ко второй части указаны параллели у Бенфея и др.

жила верхнимъ слоямъ общества «сладкимъ лимонадомъ» въ лѣтній зной, а къ той поэзіи которая сохранилась въ рукописныхъ сборникахъ виршъ и пѣсенъ записанныхъ представителями мелкой, едва нарождавшейся интелли генціи.

На образованіе разобраннаго символа-образа оказало значительное вліяніе древне-славянское воззрѣніе на душу [1]), вполнѣ анимистически-реальное, представлявшее её въ видѣ птицы, бабочки—вообще легкаго крылатаго существа. Это воззрѣніе отмѣчено въ трудѣ Аѳанасьева [2]), которымъ собранъ и богатый матеріалъ для его объясненія. Пользуемся частью этого матеріала, которая намъ можетъ быть полезна.

Въ Малороссіи записанъ Кулишомъ разсказъ старухи о томъ, какъ она обмирала: «якъ прійшла вже мини година вмирати, то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ... якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ; такъ якъ пташка вилетила тай полетила по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози тай не пускають души съ хати. Отъ я бачу що никуди війти; дивлюсь, ажъ викно очинене. Я пурхъ у викно! и пишла, пишла полемъ»... [3])

Душа вѣдьмы, возвратившейся съ ночныхъ похожденій, летаетъ около перевернутаго тѣла «то куркою, то гуською, то мухою, то пчелою», пока не попадаетъ въ тѣло, свое жилище [4]).

Душа казака прилетаетъ ко вдовѣ къ образѣ павлина; въ другой пѣснѣ—душу эту прилетавшую въ образѣ птицы узнаютъ по примѣтамъ:

Прелитила пташка, коло мене впала—
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана;

---

1) Такимъ его считаетъ Н. Сумцовъ, Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890, стр. 238.

2) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, III, стр. 218—226; построеніе Аѳанасьева: душа—птица—быстрота—молнія—небесный огонь, оставляемъ въ сторонѣ.

3) Аѳанасьевъ, тамъ-же, стр. 220.

4) Канторовичъ, Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ, стр. 195.

Прелитила пташка — малевани крыльця;
Таки очи, таки брови, якъ у мого Гриця [1]).

На Волыни о душахъ умершихъ дѣтей разсказываютъ, что весной они слетаютъ съ неба, принимая видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ птицъ и, сидя у отцовскихъ избъ, утѣшаютъ родителей пѣніемъ [2]).

Не будемъ приводить болѣе примѣровъ, устанавливающихъ связь сказаннаго воззрѣнія съ выше разобраннымъ символомъ (ср. данные примѣры съ пунктомъ 2, 3); упомянемъ, что подобное воззрѣніе свойственно и великоруссамъ и другимъ славянскимъ и неславянскимъ народамъ.

Вопросъ въ томъ, гдѣ искать источникъ этого воззрѣнія. Можно ли исключительно видѣть въ немъ результатъ анимистическихъ вѣрованій человѣка, стоящаго на первобытной ступени развитія, или—относительно славянъ, въ частности русскихъ, можно предположить какой-либо иной, болѣе поздній источникъ? Соберемъ здѣсь факты, опущенные изъ виду миѳологами и этнографами.

Еще въ обширной Четьѣ-Минеѣ, отрывокъ которой дошелъ до насъ въ Супрасльской рукописи, въ Мученіи сорока мучениковъ севастійскихъ читаемъ:

«прѣдаахѫ доуша своѩ глаголѭште. доуша наша ꙗко п҄тица избависѧ отъ сѣти ловаштиихъ, сѣть съкроуши сѧ и мы избавьени быхомъ... [3])

Въ поученіи св. Антонія о будущей жизни разсказывается о томъ, какъ по молитвѣ его къ Богу открыть мѣста праведныхъ и грѣшныхъ ему было видѣніе: онъ увидѣлъ чернаго высокаго исполина, досягающаго до облаковъ; руки его были распростерты въ воздухѣ, а подъ нимъ находилось озеро, какъ море. И видѣлъ св. Антоній, какъ души возлетали какъ птицы; которымъ

1) Аѳанасьевъ, стр. 223.
2) Тамъ-же.
3) Miklosich. Monumenta linguae palaeoslovenicae. W. 1851, стр. 59.

удавалось спастись отъ руки исполина, тѣ возлетали въ рай, а другія подъ ударами его рукъ падали въ озеро — въ адъ [1]).

Этотъ исполинъ, уловляющій души, встрѣчается и въ древнерусскихъ миніатюрахъ, скопированныхъ съ византійскихъ оригиналовъ, напр., въ лицевой Псалтири 1397 г. принадлежащей Обществу любителей древней письменности [2]).

Исаакъ Сиринъ, аскетическій писатель VII вѣка [3]), прямо утверждаетъ, что «дш҃а животно пернато легко есть»... [4])

Къ концу XVII в. подобныя мнѣнія нашли себѣ поддержку въ весьма популярномъ сборникѣ преимущественно аскетическаго содержанія, переведенномъ съ польскаго—въ Великомъ Зерцалѣ. Здѣсь повторяется эпизодъ изъ разсказа о грѣшникахъ, видѣнныхъ св. Антоніемъ Великимъ (л. 215); здѣсь же приводится и разсказъ о пустынникѣ, которому ангелъ показалъ «многое множество духовъ злыхъ, иже по всѣхъ жилищахъ, яко мухи, летаху» (л. 51) [5]). Нечистая сила, злой духъ появляется также и въ Откровеніи Меѳодія Патарскаго: здѣсь антихристъ зачинается чудеснымъ образомъ отъ сатаны, вошедшаго въ птицу [6]). Въ этомъ, впрочемъ, памятникѣ сатана птица варіируется съ С. = рыба, сладкое благоуханіе — и такимъ образомъ данный эпизодъ примыкаетъ къ группѣ народныхъ сказаній, коренящихся въ средневѣковой вѣрѣ въ возможность чудеснаго, неестественнаго зачатія [7]).

---

1) Полууст. рукоп. сборн. Кирилло-бѣлоз. библ. XV в. № 16 (1093), цитируетъ Тихонравовъ, Сочиненія, 1898, т. I, стр. 208.

2) Описана у Х. Лопарева, Описаніе рукописей Имп. Общ. люб. др. письм. I, стр. 7.

3) Русскіе списки его словъ съ XIV вѣка.

4) Рукоп. собр. кн. Вяземскаго XV в. Q. LV, л. 135.

5) Цитируемъ по рукоп. XVII в., собр. Буслаева № 124.

6) Истринъ, Откровеніе Меѳодія Патарскаго и апокр. видѣнія Даніила. М. 1897, стр. 208; Веселовскій: Развитіе христ. легенды, I, 72 (Ж. М. Н. Пр. 1879, май).

7) Въ «Физіологѣ», Карнѣевъ, стр. 288—302; зачатіе отъ солнца, яблока— Кирпичниковъ, Поэмы Ломб. цикла, стр. 195; отъ пилюли, отъ воды — Ольденбургъ, Буддійскія легенды I, стр. 49; отъ вихря, гороха, рыбы—

Въ одномъ изъ разсказовъ популярнѣйшей книги XVII—XVIII в., Синодика—души слугъ летятъ предъ господиномъ въ видѣ двухъ бѣлыхъ птицъ [1]).

Воззрѣніе на душу, какъ на крылатое существо, и изображеніе ея въ видѣ птицы не чуждо было и западно-европейскому средневѣковому міру: въ мистеріи страстей при повѣшеніи Іуды изъ его платья вылетала птица-душа [2]).

Многочисленные примѣры народныхъ повѣрій, собранныхъ Аѳанасьевымъ [3]), совпадаютъ и въ общемъ и въ частности съ приведенными фактами изъ области средневѣковыхъ воззрѣній, распространявшихся нѣкоторыми памятниками переводной славянской литературы.

XIX.

Въ Трагедокомедіи о тщетѣ міра сего, составленной Варлаамомъ Лащевскимъ и репрезентованной въ академіи Кіевской [4]) около 1742 года, когда авторъ былъ въ Кіевской Академіи учителемъ піитики, въ пятомъ явленіи встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, касающееся литературныхъ упражненій студентовъ-стихотворцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ «пиворѣзовъ»:

Романовъ, Бѣлор. сборн., вып. III, №№ 8, 18, 15; отъ яблока—Садовниковъ, Сказки, стр. 133, № 28; отъ съѣденной рыбы, Шапкаревъ, Сборникъ отъ бълг. нар. умотворения, ч. I, отд. III, кн. 4, стр. 287, № 440. На такомъ сказочномъ основаніи создалось нелѣпое мнѣніе расколоучителя Ѳеодора о зачатіи Богородицею Христа чрезъ ухо (не символъ а реально) Бороздинъ, Протопопъ Аввакумъ, стр. 204—5.

1) Е. Пѣтуховъ, Очерки изъ литературной исторіи Синодика. 1895, стр. 191.

2) С. Соловьевъ, Историко-литературные этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ, вып. I. Харьковъ, 1895, стр. 81.

3) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія, III, 218—226; ср. также брошюру Я. Генерозова, Русскія народныя представленія о загробной жизни. Саратовъ, 1883, стр. 10 и сл.

4) Напечатана Н. С. Тихонравовымъ, Лѣтописи русской литературы и древности, кн. I, 1859 г. отд. III, по рукоп. И. Публ. библ. О. XIV, № 2.

Видѣть безъ слезъ немощно, что глаголы жизны
Нынѣшній вѣкъ приведе въ конецъ укоризны!
Елико кощунствуютъ кощуны безстудны,
Гдѣ канты слагаютъ, гдѣ комплементы блудны,
Матерія съ Писаній кощунамъ готова,
Въ кантахъ студныхъ начало отъ божіяго слова [1])!

Что это были за «канты студные», въ которыхъ матерія, взятая отъ Писанія, трактовалась такъ кощунственно, что попала въ обличеніе? Кіевскіе ученые литераторы, сами прошедшіе чрезъ искусъ ученичества въ Могилянской коллегіи, своевременно принимавшіе участіе въ пирушкахъ тогдашняго студенчества и въ его скитаніяхъ по кондиціямъ, а, можетъ быть, не чуждые и славленія благодѣтелей въ виршахъ, гдѣ сплетались порой образы библейскіе съ чудовищной по нашимъ понятіямъ лестью— эти литераторы, какъ въ данномъ случаѣ В. Лащевскій — прекрасно знали, что это за «студные» и кощунственные канты воспѣвались современнымъ имъ юношествомъ.

Мы можемъ догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ не о религіозныхъ пѣсняхъ, заимствованныхъ и перелицованныхъ малоруссами съ польскихъ оригиналовъ—pieśni nabożnych; еще менѣе относится это осужденіе къ тѣмъ кантамъ, которые слагались самостоятельно. Къ формѣ ихъ, къ многословію и курьезнымъ піитическимъ вольностямъ въ XVIII в. привыкли, и пѣніе кантовъ вообще не могло вызвать такихъ нареканій.

А между тѣмъ существовали такія стихотворныя произведенія, которыя какъ разъ подходили подъ мѣрку, данную въ комедіи В. Лащевскаго. Это—шутливыя пьесы, въ которыхъ смѣшивались библейскія событія и ихъ истолкованіе съ вульгарными

1) Тихонравовъ, тамъ же, стр. 15; комедія въ спискѣ Церк. Археол. Музея при Кіевской Дух. Ак. № 477 (В. 58) имѣетъ значительные варіанты: напр. «гдѣ канти, комплементи слагаются блудни», «кощуномъ» въ нашемъ отрывкѣ. См. Н. И. Петровъ, Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 98.

пріемами грубой среды «пиворѣзовъ», странствующихъ дяковъ, которые, прежде чѣмъ прочно пристроиться гдѣ-нибудь на мѣстѣ и вступить въ члены клира, вели многобѣдную, скитальческую жизнь, разнообразя свое житье впроголодь всевозможными продѣлками [1]). Какъ въ малорусскихъ, такъ и въ польскихъ интерлюдіяхъ бакаляръ, дякъ—т. е. ученикъ, странствующій студентъ — существо веселое, беззаботное: онъ и поэтъ и актеръ [2]).

Въ этой-то средѣ и сложились первые опыты пародій, начиная съ пародій на каноны [3]), кончая пьесами для представленій, виршами для пѣнія и интерлюдіями, въ которыхъ сами же дяки и выступали дѣйствующими лицами.

Къ числу такихъ пародій и относится издаваемое ниже стихотвореніе на Воскресеніе Христово.

Прежде чѣмъ перейти къ нему, обратимъ вниманіе на общія свойства подобныхъ произведеній.

Минуя каноны пиворѣзовъ, остановимся здѣсь на тѣхъ пасхальныхъ виршахъ, къ которымъ можетъ быть такъ-же примѣнена характеристика, данная В. Лащевскимъ.

Первымъ примѣромъ можетъ служить то стихотвореніе, которое издано нами подъ заглавіемъ «Скоморошьи вирши» [4]). Оно дошло до насъ въ рукописи Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 214, относящейся къ половинѣ XVIII вѣка. Вирши составлены несомнѣнно малоруссомъ, на что указываютъ многочисленные случаи малоруссизмовъ: мене, спѣваютъ, опроводить, придавсь, по волокꙋ

---

1) Какъ напримѣръ бурсаки въ интерлюдіи къ пьесѣ М. Довгалевскаго «Властотворный образъ», изданной нами въ «Ежегодникѣ Импер. Театровъ», сезонъ 1897—98 г. Прилож. кн. 1.

2) Ср. интерлюдіи къ пьесамъ М. Довгалевскаго, Н. Петровъ, тамъ же П. Морозовъ, Исторія р. театра, т. I, и Windakiewicz, Pierwsze kompanie aktorów w Polsce. Kraków. 1893.

3) Напр. «Правило увѣщательное пьяницамъ» 1779 г., рукоп. Церк. Арх. Муз. при Кіевск. Дух. Ак. № 665.

4) «Скоморошьи вирши по рукоп. половины XVIII в.». Спб. 1898 и «Ежегодникъ Импер. Театровъ»; сезонъ 1896—1897 г., приложенія.

и др., также риөмы: кꙋпити—биты, ничего (ничбго)—никакого, имѣти—побѣдити и др. Эти данныя, а также изученіе состава довольно длинной вирши, привели насъ къ выводу, что: 1) сборникъ составленъ лицомъ духовнаго происхожденія (записи на л. 6: составитель молитъ Бога о здравіи «родителя іерея Їоанна» и братьевъ четцовъ) и, судя по многочисленнымъ случаямъ аканья — великоруссомъ, но авторомъ виршъ былъ малоруссъ и при томъ знакомый со школьной наукой; 2) вирши эти представляютъ собою образчикъ скоморошьихъ, шутовскихъ монологовъ. То, что въ виршахъ встрѣчаются сходныя мѣста съ данными устной народной словесности, можетъ указывать на близость автора къ народной средѣ.

Не останавливаясь на этихъ параллеляхъ, съ достаточной полнотой указанныхъ при изданіи текста, напоминаю здѣсь вкратцѣ содержаніе виршъ.

Авторъ поздравляетъ съ наступленіемъ весны, изображаетъ, какъ различныя птицы и животныя радуются ея приходу. Затѣмъ онъ рекомендуется—не только философомъ и богословомъ, но и пѣвцомъ, могущимъ и партесъ воспѣвать и подиспутовать, а также и плясать по-итальянски, по-французски, по-казацки и по-цыгански. Во всей Москвѣ не найдется другого такого молодца. Между прочимъ онъ занимается и торговлей, но неособенно удачно, терпя иногда побои. Онъ недоволенъ городскими жителями, предпочитая сельскую простоту, и собирается итти на войну: его враги — не люди, а пироги, которымъ онъ отсѣкаетъ головы, лепешки, жареная говядина; медъ, пиво, ренское — все ему покоряется и двойное вино умираетъ отъ страха предъ нимъ. Онъ побѣждаетъ стаканы большіе и малые и предлагаетъ въ этомъ сейчасъ же убѣдиться. Но зрители не обнаруживаютъ такого любопытства. Авторъ объявляетъ о своемъ предположенномъ походѣ на шведовъ и поляковъ, а когда наловитъ послѣднихъ, то подаритъ зрителямъ. Онъ способенъ быть героемъ, ибо знаетъ благородное обхожденіе: умѣетъ обмануть, своровать, выторго-

вать. Въ заключеніе, изрекши сентенцію: «кто бо въ обманѣ всегда пребываетъ, тотъ съ душею и съ тѣломъ пропадаетъ»,— авторъ выражаетъ желаніе, чтобы слушатели «возмогли всѣ грѣхи побѣдити, какъ Христосъ нынѣ всѣхъ враговъ побѣдилъ, а насъ грѣшныхъ отъ грѣха и ада свободилъ», послѣдній стихъ— «а мнѣ за увеселеніе изволте по копеечкѣ дати», указываетъ на цѣль произнесенія подобнаго монолога.

Если мы прослѣдимъ составъ этихъ виршъ съ самаго начала, то найдемъ не мало параллелей и въ серіозной виршевой литературѣ. Къ началу укажемъ хотя бы слѣдующія стихотворенія, извлекая ихъ изъ рукописей XVIII вѣка. Первое — повидимому также школьнаго происхожденія:

1. ... Весна ясна наступаетъ,
Земля травой обрастаетъ,
Веселитесь человецы.
Нынѣ радость,
Всѣмъ намъ сладость:
Поютъ дѣвы велегласно,
Поютъ птицы громогласно:
Веселитесь вся земная.
Торжествуютъ, ликовствуютъ
Вси народи поднебесной,
Вся животна на вселенной:
В рекахъ рыбы в моряхъ киты.

Рукопись Церковно-Археол. Музея при Кіевской Д. Ак. № 473 (Муз. № 36) Сборн. псальмъ и кантовъ XVIII в. л. 23.

Второе извлечено изъ рукоп. Имп. Публ. Библ. О. XIV, № 20 XVIII в. пѣсня № 53:

2. Пасха нова красна!
Во[з]сия всемъ весна;
Пасха Христо[с] гдь,
о[т] греха намъ свободь.

Христо̑ воскресе днесь,
Пасха преславна есть,
Зачень оᵀ востока
оᵀ раиска потока
оᵀ неба жизнь лиеть,
да того тварь поеть
земная тварь купно
Просить неотступно:
Звери рыбы в мори
скоты птицы горе ||
Христось ю прослави
бѣседою с нами:
на хвалу восходить,
всякъ умъ выспрь возводиᵀ;
все светло сияеть,
весь мирь озаряеть.
оᵀ оц҃а снисходить
Паракли ᵀ намъ сводить
агг҃лския лицы.
И раиския птицы,
чл҃вцы гласно
приносять песнь красно,
вся темъ назидають,
праздникъ составляють.

Тѣже мотивы и въ псальмѣ явно малорусскаго происхожденія:

3. Се нынѣ радость
Духовная сладость
Веселятся небеса
и радуется земля
Вкупѣ с человѣки
С безплотными лики и т. д.—

очень извѣстной въ рукописяхъ (цит. ркп. К. Дух. Ак.) № 473 (Муз. 31) л. 56, ср. у Безсонова, Калики, № 409.

Та пародія, содержаніе которой мы выше привели, имѣетъ съ названными виршами въ началѣ точки соприкосновенія; перечисленіе птицъ, звѣрей радующихся наступленію весны и Христову Воскресенію находитъ себѣ соотвѣтствіе въ небезъизвѣстныхъ на Кіевской Руси польскихъ пѣсняхъ на Рождество, гдѣ подробно перечисляются всѣ птицы и описывается ихъ радость [1]). Къ концу скоморошьихъ виршъ мы найдемъ параллели въ также очень извѣстной въ рукописяхъ виршѣ:

4. «Въ день Христова возстанія ангелъ вопиетъ,
Адамъ ликуетъ,
Праздникъ свѣтлый родъ адамскій днесь торжествуетъ...

и т. д., гдѣ далѣе говорится объ изведеніи изъ ада праотцевъ.

Эта побѣда Христа надъ врагомъ человѣчества, особенно картинно изображенная въ Никодимовомъ Евангеліи (во второй его части) и въ обработкахъ его — въ «Словѣ о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи» и въ «Словѣ Адама къ сущимъ во адѣ» — послужило темой для второго шутливаго стихотворенія, къ которому могли относиться ревнители, въ родѣ В. Лащевскаго, какъ къ кощунственной попыткѣ низвести съ высоты великое дѣло искупленія человѣчества и къ желанію представить самое событіе это въ смѣшномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ мы здѣсь имѣемъ одно изъ проявленій грубости той среды и того времени, когда сложены были эти вирши. Приводимъ ихъ полностью, сохраняя правописаніе и опуская только надстрочные знаки, по рукописи Имп. Публ. Библ. O. XIV, № 16, содержащей канты и псальмы 1760—1780 годовъ, гдѣ онѣ помѣщены дважды на л. 29 об. и л. 60. За основной текстъ беремъ второй, болѣе исправный; изъ перваго приводимъ варіанты.

1) Такова Pieśń o weselącym się ptastwie» въ «Pieśni nabożne», Grodno. 1829 г. и въ рукописныхъ канціоналахъ.

Днесь наши ребяты
в [1]) сиони два браты
Не дають проходу
И зацка (?) [2]) ѿходꙋ
дьаволꙋ дꙋрномꙋ
дꙋракꙋ болномꙋ,
дразнѧ^т его мерзко,
что здѣла^х ѻ҃ дерзко (2),

ибо хотѣ^х зѣлно,
да стало бездѣлно,
со Христо҃ подратца,
а [3]) кꙋды убратца,
не у зна҃ дороги,
перелома^х ноги,
какъ бѣга^х во адѣ,
ꙗ҆къ волкъ во ѡградѣ.

Мы что сотворили:
ꙗицъ наварили
смѧткой какъ метали [4]),
в самой лобъ попали,
рога емꙋ збили,
глаза заслепіли:
теперь [5]) ѡ҆нъ неможе^т,
да ї҆юдꙋ гложе^т.

одинъ удави^хсѧ,
а дрꙋгї [6]) убилсѧ.
стали они сини
два сꙋкины сыны.

---

1) *Варіанты* л. 29 об.—30: 1) опущено.

2) Въ обоихъ текстахъ одинаково; можетъ быть въ первоначальномъ текстѣ было «зацка» (?).

3) опущено. 4) бросали. 5) стерти. 6) другой.

а мы стали пѣти:
скѫрвы они дѣти!
Христа ублажаем,
а ихъ всѣх рѫгаемъ.

се [7]) лица красны
побѣдѣ [8]) согласны
знаменіѧ носимъ,
а у Христа просимъ,
симъ мѫки премноги,
а намъ лѣта многи
в радости пребыти
спасено пожити.

Эта грубая картина представляетъ собою вульгарную пародію на извѣстный эпизодъ упомянутыхъ выше передѣлокъ Никодимова Евангелія, именно картину величественнаго сошествія въ адъ Христа и пораженія діавола, тщетно старающагося защитить свои владѣнія отъ вторженія освободителя плѣненныхъ имъ праотцевъ.

Что касается малорусскаго происхожденія приведенной пародіи, о немъ говоритъ какъ общее сходство въ пріемахъ, такъ и немногочисленныя обмолвки, слѣды въ языкѣ: якъ, скурвы, можетъ быть и сомнительное «зацна отходу»=благороднаго, приличнаго случая уйти. Остальное показываетъ, что эта пародія существовала въ великорусскихъ сборникахъ довольно долго и подвергалась измѣненіямъ, приблизившимъ ея языкъ къ великорусскому.

---

7) все. 8) к побѣдѣ.

XX.

Въ цитированномъ нами, по поводу шутливыхъ пародій на религіозныя стихотворенія, эпизодѣ комедіи В. Лащевскаго упоминается еще и о слагаемыхъ въ «нынѣшнемъ вѣкѣ» — т. е. въ первой половинѣ XVIII в. «блудныхъ комплементахъ». Въ главѣ, посвященной малорусскому вліянію съ XVII вѣка на Москву, указано было, съ какой жадностью русское общество въ первые годы послѣ реформы ловило всякіе опыты легкой поэзіи, и какъ даже уродливыя пѣсенки, въ родѣ сочинявшихся Тредіаковскимъ и другими, получали распространеніе и доставляли извѣстность своимъ авторамъ.

Здѣсь мы остановимся на одной такой пѣсенкѣ, къ которой болѣе чѣмъ къ другой подходятъ слова В. Лащевскаго: это одна изъ обработокъ странствующаго сюжета о любовникѣ, посѣщающемъ жену въ отсутствіе или безъ вѣдома мужа и платящагося за свои похожденія побоями.

Съ конца XVII вѣка въ Россіи была уже извѣстна одна изъ редакцій этого сюжета — въ переведенныхъ съ польскаго въ 1679 году «Факецыяхъ или жартахъ польскихъ»—представляющая не что иное, какъ переводъ второй новеллы седьмого дня Декамерона Боккачьо, чрезъ посредство польскаго перевода.

Вотъ эта небольшая «факецыя», озаглавленная—«о женѣ и госте», по рукоп. Имп. Публ. библ. Q. XVII, № 12 л. 38 об.—39 [1]).

«Некій мужь, отлучивыйся на время от дому, нечающей женѣ в домъ прииде; жена же без него гостя имѣетъ, которой ея издавна потчивал; не имѣя же, гдѣ скрыти его; стояла полбочки вызбѣ, тамо его сокры; но ноги его не вмѣстишася, ї видѣны быша; егда муж в ызбу вниде ї вопроси, что сие, она же || не коснымъ вымысломъ сему забеже; милый мужу, глаголетъ,

1) При передачѣ раскрываемъ титла и опускаемъ надстрочные знаки; цитируемая рукопись писана скорописью Петровскаго времени.

человѣкъ сей полбочки сию торъгуетъ ї хощет купити ї влѣзе в ню да же высмотритъ, нѣтъ ли щелѣй. продай ему ю, а намъ в ней мало пригоды. а ты, доброй человѣкъ, есть ли уже высъмотрилъ, їзълѣзи ї торгуй у господина; мужикъ їзлѣзе ис полубочки; господинъ не точию с нимъ сторговал, но отнести пособил; дивенъ в скоромъ домышленїи родъ женъскiи;

Того ради можеши молъвить смѣле:
ижь жена хитрое зелъе».

Другую разработку того же сюжета мы находимъ также въ переводномъ анекдотѣ, попавшемъ въ лубочныя картинки: это «Помѣха въ любви», крайне непристойнаго содержанія [1]).

Третья — давшая цѣлый рядъ народныхъ версій, имѣетъ основаніе въ новеллѣ, помѣщенной въ извѣстномъ «Письмовникѣ» Курганова [2]), первое изданіе котораго, вышедшее въ 1769 г., повторилось еще десять разъ. Здѣсь подъ № 325 (стр. 253—261) разсказывается «Повѣсть о удаломъ молодомъ солдатѣ», который, попавъ переночевать въ домъ одного мѣщанина, замѣчаетъ въ его отсутствіе прибытіе къ хозяйкѣ любовника, котораго она угощаетъ. Когда неожиданно является мужъ, жена прячетъ любовника и ужинъ, а голодному мужу говоритъ, что нечего ѣсть. Тогда появляется солдатъ и, привѣтствовавъ хозяина, объявляетъ себя чародѣемъ, которому служатъ демоны. Очертивъ кругъ, онъ открываетъ (подсмотрѣвъ заранѣе), гдѣ спрятанъ ужинъ, а поужинавъ, показываетъ подъ видомъ служебнаго демона—спрятаннаго любовника хозяйки. Очень хорошо извѣстная въ средневѣковой Европѣ эта новелла была драматически обработана [3]). Въ русской народной словесности она отразилась

1) Д. Ровинскій, Русскія Народныя Картинки, т. I, стр. 357.
2) Пользуемся пятымъ изданіемъ 1793 г.
3) Она попала даже на кукольный театръ въ пьесѣ «Pulcinella nigromante» и «Hanswurst als Teufelsbanner». См. мои истор. очерки «Кукольный театръ на Руси», 1895, стр. 42—44, подробное содержаніе.

въ рядѣ сказокъ и пѣсенъ [1]), а въ литературѣ художественной тотъ же сюжетъ, съ соотвѣтственными желанію авторовъ измѣненіями имѣемъ въ пьесахъ «Простакъ» В. А. Гоголя (отца) [2]) и «Москалѣ Чарывныкѣ» Котляревскаго [3]).

Вотъ рядъ такихъ произведеній, извѣстныхъ въ русской литературѣ съ XVII в. и отразившихся въ народной сказкѣ и пѣснѣ, и позволяетъ намъ измѣнить отчасти мнѣніе объ иностранномъ заимствованіи сюжета пьесы Котляревскаго. Въ одной изъ нашихъ замѣтокъ мы предложили поискать источниковъ этой пьесы на русской или польско-русской почвѣ и кажется небезосновательно. Обзоръ сказокъ—а ихъ всѣхъ, съ нашей замѣткой[4]), указано нѣсколько [5])—позволяетъ думать, что Котляревскій воспользовался ходячимъ анекдотомъ, народной сказкой — что вполнѣ возможно, ибо писатели XVIII в. гораздо ближе стояли къ простому народу, чѣмъ въ послѣдующую эпоху. Если же такое мнѣніе можетъ быть заподозрѣно за отсутствіемъ сходныхъ записей сказокъ XVIII в., то все-таки, при наличности фацецій (которыя переписывались и передѣлывались до конца XVIII в.— Ср. списокъ Моск. Публ. и Рум. Музея, собр. Унд. № 890,

1) Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, I, стр. 103, № 12 и др. и «Пѣсни о гостѣ Терентьищѣ и родственныя имъ сказки» Н. Ѳ. Сумцова, М. 1892 (изъ Этн. Обозр. XII) и дополненія его, Этн. Обозр. кн. XVIII и Малинки; тамъ же, кн. XVI.

2) Н. Ѳ. Сумцовъ, Пѣсни о гостѣ Терентьищѣ, стр. 14.

3) Объ источникахъ этой пьесы см. проф. Н. Дашкевичъ, Вопросъ о литературныхъ источникахъ украинской оперы И. П. Котляревскаго «М. Ч.», Кіевская Старина, 1893, декабрь, стр. 451—482. Проф. Дашкевичъ устанавливаетъ зависимость этой пьесы отъ ком. оперы «Le Soldat magicien», Paris 1760, но эта опера разрабатываетъ также, какъ и названныя нами нѣмецкая и итальянская пьесы, ту же новеллу, переданную позже у Курганова, и такимъ образомъ становится излишнимъ сближать «М. Ч.» съ «Le Soldat Magicien», пьесой крайне рѣдкой, когда общераспространенный «Письмовникъ» съ его новеллой былъ почти у всѣхъ грамотныхъ въ рукахъ.

4) Къ изслѣдованію о литер. источн. оперы Котляревскаго «М. Ч.» Кіевская Старина, 1894, мартъ.

5) В. Ястребовъ, Варіанты сказки о невѣрной женѣ, Кіевск. Ст. 1894, апрѣль, стр. 159; В. Боцяновскій, Къ вопросу объ источникахъ водевиля Котляревскаго «М. Ч.»; тамъ-же, 1894, октябрь, стр. 151.

1778 года), лубочныхъ картинъ съ текстами и наконецъ «Письмовника», Котляревскому незачѣмъ было далеко ходить за отысканіемъ такого сюжета, какъ тотъ, что̀ разработанъ имъ въ «Москалѣ Чарывныкѣ».

Къ тому же разысканія въ рукописяхъ XVIII в. показываютъ, что гораздо ранѣе Котляревскаго на тему, разобранную нами, создавались шутливыя пѣсенки, помѣщавшіяся въ сборничкахъ наряду съ «блудными комплементами», т. е. любовными стихами. Такую пѣсню, явно искусственнаго происхожденія, съ рѣзко выраженными слѣдами малорусскаго языка, приводимъ здѣсь по рукописи Имп. Публ. Библ. Q. XIV. № 127, второй половины XVIII в.

л. 9.

1.

Добрѣ чюжѹю жон'кѹ любитй
що в любвй секрѣтъ можетъ хранйтй
сердце свобод'но, к любви ѹгод'ю
бес' пѣремены.
мыс'лй спокойны, коха̄ свобо̑ны
без о̄мѣны.

2.

Мѹжикъ пья̑ скѹрв'ы сн̄ъ спӣ не чюе,
л. 9 об.
да щѡ̑ || жо̑ка со мною̀ жертѹе,
каже налива̄ пол'ны вылива̄
в доб'ры приездны
о̆камъ моргае, плѣча̑ стис'кае
бѣз боязнй.

3.

На що̑ кра̑ны хороша родила̑
а к нашей п'релѣ̑тй нахйлйла̑.
нелзя любитй бо станѹ̄ бити,
коли поймаютъ.

мѹжйкъ побачетъ, кйемъ поⁿначӣ
и полайтъ.

4.

ʼА кали придетъ мѹжйкъ до хаты
треба ўже ѹтекати
дѹбина шѹмӣ зо мною г'рѣмӣ
п'ри"ло п'ропа̂ти,
коли° мѹжйкѹ в рѹки на мѹки
м̄нѣ не впас'тӣ.

5.

ʼАхъ бѣди м̄нѣ с'чюжею женою,
що мѹжикъ гонйтъ зо м'ною,
ѽхъ з' дѹбиною сѹковатою
по плѣча̋ мерӣ
ѫ̂ прйсегаю в'ногй кланѣюсь,
о̆нъ не вѣритъ.

6.

ʼА щожъ м̄нѣ бѣ'дномѹ ўже дѣлатй,
що чюже' жо̂ки нелзя кохатй
лѣп'ше о̄статй, свою сыскати
дѹматй с'танѹ.
на чюжо̋ гѹм'нѣ нетъ пожӣкѹ мнѣ—
перѣс'танѹ.

Въ пѣсенкѣ этой изображаются похожденія любовника чьей-то жены. Первый куплетъ звучитъ спокойной увѣренностью въ безнаказанности любви къ чужой женѣ. Мужъ пьянъ, не замѣчаетъ, повидимому, ухаживанья за его женой. Эта остерегаетъ своего ухаживателя, зная нравъ мужа. Но вотъ мужикъ вернулся не въ добрый часъ домой—приходится спасаться отъ него; мужикъ бьетъ любовника суковатой дубиной, несмотря

на клятвы послѣдняго. Остается—благоразумно отказаться отъ ухаживанья за чужими женами и завести свою. Таковъ смыслъ этой пѣсенки, переписанной великоруссомъ: въ ней сильно слышится аканье; кое-что изъ малорусскаго оригинала осталось для составителя сборника непонятно, напр. вмѣсто пріязни — прие'дны 10 ст.; многимъ словомъ приданы слѣды великорусскаго произношенія—жонкѹ (вм. жїнкѹ) 1, коха' (вм. кохати) 5, побачеть 17, ѹтекати 20, кланѣюсь 29; но кое-что осталось безъ измѣненія—нечюе 7, що 8, 13, 24, 31, 32, стискае, моргае 11, киемъ по'начи' 17 и др. Размѣръ пѣсни, — въ которомъ основной группой являются 5 слоговъ: $[(5+5)^2+5+(5+5)+5$ passim 4], хотя намъ въ другихъ виршахъ XVIII в. не встрѣчался, но другія комбинаціи пятисложнаго стиха—не рѣдкость; наиболѣе же распространенной является схема $(5+5)^n$; примѣры ея послѣдуютъ ниже.

XXI.

Нѣсколько выше (гл. XIII) было упомянуто о Почаевскомъ Богогласникѣ, какъ о немаловажномъ памятникѣ южно-русской виршевой поэзіи. Старѣйшій Богогласникъ, какъ намъ извѣстно, былъ напечатанъ въ Почаевской Лаврской типографіи въ 1790 году, 4° [1]). За нимъ послѣдовало изданіе 1805 года, сокращенное сравнительно съ первымъ [2]), затѣмъ 1825 и 1850 годовъ [3]).

1) Головацкій, Дополненіе къ очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго. Спб. 1874, стр. 37, № 169.

2) «Богогласникъ. Содержащъ пѣсни благоговѣйныя праздникомъ Гд҃ьскимъ, Бг҃рωдичнымъ и нарочитыхъ ст҃ыхъ чрезъ весь годъ приключающымся. Для Оунитскихъ цр҃квей». Почаевская Лавра 1805. Этимъ изданіемъ пользуемся ниже. За отсутствіемъ пагинаціи при цитатахъ обозначаемъ № пѣсни; правописаніе упрощаемъ.

3) Головацкій, Дополненія, стр. 44, № 248 стр. 60, № 410; «Очеркъ» Ундольскаго, 1871, столб. 364, № 60.

Содержаніе Богогласника представляется особенно важнымъ и интереснымъ потому, что этотъ сборникъ является какъ бы итогомъ религіозно-поэтической работы XVIII-го а отчасти, можетъ быть, и XVII вѣковъ. Изъ ниже предлагаемаго обзора можно убѣдиться, какъ разнообразно это содержаніе: можно узнать, кто былъ вкладчикомъ и въ какомъ отношеніи находится Богогласникъ къ сборникамъ виршъ и псальмъ XVIII в., изъ которыхъ мы извлекли выше нѣкоторые матеріалы.

Изъ краткаго предисловія цензора, Валеріана Сіенѣцкаго, видно мнѣніе духовнаго начальства о важности этого сборника религіозныхъ стихотвореній, который ...«паче украшенію праздниковъ церковныхъ, прославленію величій Божіихъ, исправленію человѣческихъ обычаевъ и возбужденію святобливаго народа ко благоговѣнству, умиленію души и различнымъ добродѣтелемъ благомощно быти можетъ». И дѣйствительно, составъ сборника таковъ, что въ смыслѣ строгости и серьезности стихотвореній Богогласникъ значительно превосходитъ современные ему и позднѣйшіе сборники польскихъ pieśni nabożnych, среди которыхъ порой проскальзываютъ—вѣроятно по наивности составителей—стихотворенія и пѣсни, отнюдь не могущія претендовать на «возбужденіе къ благоговѣнству». Что касается до поэтическихъ достоинствъ пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ Богогласника, то съ современной точки зрѣнія они не велики; но, если сравнить ихъ съ массой виршъ въ рукописныхъ сборникахъ, то пѣсни Богогласника выгодно отличаются правильностью и разнообразіемъ размѣровъ. Громадное большинство пѣсенъ (изъ 250—216) на славянскомъ языкѣ съ сильно замѣтнымъ вліяніемъ польскаго и малорусскаго языковъ. Вліяніе перваго сказывается главнымъ образомъ въ словарномъ отношеніи, вліяніе второго — въ фонетикѣ, въ построеніи риѳмы, (напр. плоды — Господи, мірѣ — мѣри и т. п.) рѣже—въ формахъ: умерти и др.

Предисловіе отъ лица составителей, иноковъ чину св. Василія Великаго, даетъ небезъинтересныя разъясненія чѣмъ руко-

водились они при выборѣ пѣсенъ изъ почти безбрежнаго моря стихотворныхъ упражненій южно-русскихъ поэтовъ:

«*Многія* въ честь всемогущаго Бога, пречистыя Богоматере и святыхъ его угодниковъ отъ различныхъ стихотворцевъ и пѣснописцевъ искони сочиненныя *въ міръ изыдоша пѣсни*, *но иныя* въ правду *худо и неискусно составленныя быша*, того ради весма отриновенныя и непотребныя явишася; иныя аще искуснѣ и мудрѣ составишася, но не бѣ мощно увѣдати приличнаго имъ гласа, убо и тыя къ прочтенію токмо, не къ пѣнію послужиша; иныя въ конецъ добрѣ сочиненныя и по своему гласованію увѣданныя бяху, обаче егда писменемъ отъ единаго другому пѣвцу предаватися начаша, чрезъ ненаказанныхъ писцевъ тако повредишася, яко не токмо стіхи ихъ слоговъ, но ниже удобна разумѣнія своего возъимѣша». Вслѣдствіе этого издателямъ пришлось не только собрать уже готовое, но «разсмотривати художество, достигати намѣренія мыслей, *елико мощно исправляти*, слоги стіхомъ изобрѣтати, *многая нова ветхимъ прилагати*», и такимъ образомъ пѣсни эти уподобляются краснорѣчивымъ составителемъ предисловія — снѣди приготовленной съ новыми приправами, одеждѣ перешитой и обновленной, серебру, очищенному отъ потемнѣнія огнемъ. И дѣйствительно, вкусъ въ смыслѣ сближенія съ католическими гимнами измѣнился, а главное — измѣнилась, какъ увидимъ изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ стихотвореній, и внѣшность, форма ихъ, а отчасти вмѣстѣ съ тѣмъ и содержаніе, и многія изъ нихъ, дѣйствительно, похожи на новую одежду, сшитую изъ лоскутковъ старой.

Далѣе слѣдуетъ увѣщаніе о пользѣ пѣнія благочестивыхъ пѣсенъ: ими украшаются праздники церковные, воздается честь Богу и т. д.; но самое важное — это то, что «пѣснопѣнія ради мнози могутъ убѣжати тщетныя праздносты въ дни недѣлныя и святыя, изволяюще паче сему присутствовати, нежели скверным ъ игралищамъ, баснемъ, смѣхотвореніямъ, плясаніямъ, піятикамъ, сваромъ и инымъ непреподобнымъ дѣломъ»... Свѣтское пѣніе, пляски, веселье — здѣсь также, какъ и

въ памятникахъ старинной православной литературы, порицается, но не голословно, а предлагается пѣніе псальмъ, вмѣсто пѣсенъ, игръ и плясокъ. Такимъ образомъ, точка зрѣнія составителей Богогласника близка и даже совпадаетъ съ точкой зрѣнія на пѣсни С. Полоцкаго, перваго, предложившаго русскимъ любителямъ поэзіи религіозно-нравственныя псальмы вмѣсто народной, «бѣсовской», по мнѣнію старыхъ книжниковъ, пѣсни [1]).

Въ заключеніи своего труда, въ стихотворномъ «Пристеженіи» (послѣдняя предъ оглавленіемъ страница) составители, повторяя мысли предисловія, объясняя и способъ чтенія и пѣнія стиховъ, указываютъ и тѣ погрѣшности, которыхъ не удалось избѣжать при печатаніи:

...«Въ семъ ветхія и новія обрящеши себѣ,
И старѣйшымъ и юнѣйшымъ угодити требѣ.
Вся суть стройни в ïрмолойни тони, на чертъ чтири,
Токмо сія тѵпграфія имать характіри,
Сі есть: такти, полутакти, чверти, единожди
Ломанія, не инія, да увѣси кождій.
Где оѯіи в согласіи разнствуютъ отъ черти,—
Дѣли такти на полтакти, полтакти на чверти.
Гди ни тако, но инако есть ти пожеланно:
Не горѣе, но добрѣе пѣти невозбранно.
Нѣгдѣ явѣ во исправѣ теѯти небреженни
Быти зрятся, да не мнятся зѣло поврежденни...

Слѣдуетъ обычное извиненіе и совѣтъ воспѣти пѣсни «красно и согласно».

Такимъ образомъ Богогласникъ предлагаетъ читателю тексты благочестивыхъ пѣсенъ въ исправленномъ видѣ. Тексты эти переходили изъ печатной книги въ народную массу, въ завѣтныя тетрадки и имѣли свою дальнѣйшую исторію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣемъ цѣлью собрать данныя объ авто-

---

1) См. выше, гл. XIII.

рахъ, внесшихъ свой вкладъ въ Богогласникъ, изучить отношенія текстовъ пѣсенъ Богогласника къ тѣмъ, которые сохранились въ рукописяхъ XVIII в., и наконецъ, по возможности намѣтить дальнѣйшій путь религіозныхъ виршъ—въ народъ.

XXII.

Пользуясь указаніями, которыя даетъ намъ Богогласникъ, а также записями при отдѣльныхъ псальмахъ, или пѣсняхъ религіознаго содержанія, попробуемъ привести въ извѣстность авторовъ, участвовавшихъ въ составленіи того обширнаго репертуара пѣсенъ этого рода, какой находимъ въ названномъ сборникѣ и во множествѣ рукописныхъ «кантовъ и псальмъ».

При разысканіи авторовъ большое значеніе имѣетъ обычай старинныхъ западнорусскихъ поэтовъ составлять свои стихотворенія въ формѣ акростиха, при чемъ иногда акростихъ даетъ имя или фамилію автора, а иногда—и то и другое.

Къ сожалѣнію при позднѣйшей передѣлкѣ—а передѣлкамъ вирши подвергались не разъ — акростихъ разрушался, и имя автора терялось.

Да и вообще такихъ пѣсенъ или псальмъ съ акростихами — замѣтное меньшинство: изъ общаго числа 300 пѣсенъ, заключающихся въ Богогласникѣ, только 28 имѣютъ имя автора. Располагая по алфавиту, получаемъ слѣдующее:

I. Творецъ *Андрѣевскій* по краегранесію:

1) Пѣснь е҃. о смерти (№ 234)

Нач.: «Ахъ смотри, кто живъ, на прежный мой вѣкъ»...

II. Творецъ *Бардинскій* по краегранесію:

1) Пѣснь ѕ҃ с҃тителю Хр҃тову Нїколаю (№ 174) (опечаткой 147)

Нач.: «Болша нѣсть земнымъ оборона»...

III. Краегранесіе: *Василій.*

1) Пѣснь в҃ молитвенная къ Прес҃тѣй Дв҃ѣ Бг҃городицѣ (№ 137)

Нач.: «Всѣхъ Царице, Владычице»...

IV. Творецъ *Венедиктъ* по краегранесію:

1) Пѣснь в҃ на бл҃говѣщеніе Престыя Бц҃ы (№ 99)

Нач.: «Взбранная Дѣва Мати, Пучино благодати»...

V. «Творецъ *Іωаннъ Волскї* по краегранесію»:

1) Пѣснь на Богоявленіе Гн҃е: (№ 27 г)

Нач.: «Іордане уготовися, Іоанне скоро спѣшися»...

2) Пѣснь г҃ на Воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста (№ 73)

Нач.: «Истинна радость Крестъ Хр҃та»...

3) Пѣснь а҃ на Покровъ Прес҃тыя Бц҃ы (№ 84).

Нач.: «Воспойте согласно пѣснь нову прекрасно»...

4) Пѣснь Прес҃тѣй Дв҃ѣ Бц҃и, Струмѣлово-камянецкой (№ 132).

Нач.: «Исполнися небо, земля чудесъ твоихъ Царице»...

VI. «Творецъ *Іωаннъ Гешицкій* по краегранесію»:

1) Пѣснь в҃ на Воскресеніе Іис҃ъ Хр҃тово (№ 49).

Нач.: «Іерусалѵме свѣтелъ надъ звѣзды днесь буди»...

VII. «Творецъ *Лукашъ Длωнскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь в҃ покаянная, в ней же душа ωкаеваетъ тѣло, а тѣло душу ω грѣсѣхъ (№ 215).

Нач.: «Лакнущій свѣте чемъ на грѣшники такъ зѣло чатуешъ?»...

VIII. «Творецъ *Достоевскій* по краегранесїю»:

1) Пѣснь г҃. покаянная (№ 216).
Нач.: «Да прїйдетъ нынѣ радость новая»...

IX. «Творецъ *Іаковъ Кулчицкій* по краегранесію»:

1) Пѣснь а҃ Стителю Хртову Нїколаю архїеппу мvръ лv-кійскихъ чудотворцу (№ 169).
Нач.: «Явный всему міру благодѣтелю»...

X. «Творецъ *Димитрій Левковскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь в҃ Стыѓ Бгоѿцемъ Іѡакиму и Аннѣ (№ 145).
Нач.: «Днесь торжествуимъ вси празднующе»...

2) Пѣснь Прпбной Матери Параскеvѣ (№ 149).
Нач.: «Любовію и со страхомъ вси днесь прибѣгаймо»...

3) Пѣснь а҃ Стому Великомчнку Димитрію (№ 150).
Нач.: «Ликуй днесь весело Греція...

4) Пѣснь а҃ Стымъ Безсребреникомъ и чудотворцемъ Космѣ и Даміану (№ 155).
Нач.: «Люту бывшу гоненію от Діоклитїана»...

5) Пѣснь в҃ стымъ Верховнымъ Аплѡмъ Петру и Паvлу. (№ 201).
Нач.: «Днесь вси христіане радостно ликуютъ»...

XI. «Творецъ *Іѡаннъ Мастиборскій* по краегранесїю».

1) Пѣснь г҃ на Воскресеніе Іисъ Хртово (№ 50).
Нач.: «Играй Іерусалvме новый»...

2) Пѣснь ѕ҃ Млтвенная къ Престѣй Двѣ Бци (№ 141).
Нач.: «Играй свѣте и веселися»...

XII. «Творецъ *Мишковскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь в҃. Святителю Хртову Іѡанну Златоустому (№ 162).
Нач.: «Мысль и разумъ земный не достиже»...

XIII. «Творецъ *Іоаннъ Моравскій* или *Мура́вскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь на нед. 5-ю великопостную: (№ 43).

Нач.: «И кто жъ такъ запамяталій!»...

2) Пѣснь ї на Воскресеніе Іисъ Хр̃това (№ 55).

Нач.: «Іерусалиме днесь празднуй радость велію»...

3) Пѣснь ї Сѵятелю Хр̃тову Николаю (№ 170).

Нач.: «Изливаеши чудеса міру»...

XIV. «Творецъ *Василій Гарпанскій* по краегранесію»:

1) Пѣснь ї на Рождество Пресвятыя Бцы (№ 89).

Нач.: «Въ Соломоновой церкви завѣсо»...

2) Пѣснь Трємъ героямъ святителемъ: Василію Великому, Григорію Богослову, и Іоанну Златоустому (№ 155).

Нач.: «Торжественно всселиться»...

XV. «Творецъ [illegible] по краегранесію»:

1) Пѣснь ї Воскресенская [illegible] (№ 24[illegible]).

Нач.: [illegible]...

XV[illegible]. [illegible]

1) [illegible] (№ 7[illegible]).

Нач.: [illegible]...

[illegible]

XVII. Пѣснь в҃ воздыхателная ко Господу Іи҃су Хр҃ту (№ 224).

Нач.: «Іи҃се мой пресладкій и Творче свѣта»—

принадлежащая нѣкоему іеродіакону Герасиму такъ передѣлана, что акростихъ его совершенно изгладился [1]).

Что касается стихотворенія XVI, 1 — съ акростихомъ «Димитрій», то по изложеннымъ сейчасъ причинамъ сомнѣваемся признать его за твореніе св. Димитрія.

Кромѣ названныхъ стихотвореній, подписанныхъ ихъ авторами, «инокамъ чину св. Василія Великаго» принадлежитъ немалое количество виршъ на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ. Таковы слѣдующія:

1) Пѣснь а҃ Прест҃ѣй Бц҃ѣ Чудотворной во ст҃ой Обители пачаевской, року ,аѱог. Ватиканскими Діадимами Народно Увѣнчаннѣй (№ 110).

Нач.: «Многими усты Гласи испусти»...

2) Пѣснь г҃ Прест҃ѣй Богородицѣ Чудотворной Почаевской (№ 112).

Нач.: «Вселенныя вся страны земляне»...

3) Пѣснь ѕ҃. Прест҃ѣй Бц҃ѣ Чудотворной Почаевской (№ 115).

Нач.: «К тебѣ Бж҃ія мати прибѣгаемъ»...

4) Пѣснь з҃. Пресвятѣй Бг҃ородицѣ Чудотв. Поч. (№ 116).

Нач.: «Преч҃тая Дв҃о Мт҃и Рускаго краю»...

5) Пѣснь ѳ҃. Пресвятѣй Бг҃ородицѣ Чудотв. Поч. (№ 118). Ѡ избавленіи помощію ея от повѣтра мороваго, бывшаго в лѣто ,аѱо.

Нач.: «Нынѣ прославися Почаевска скала»...

6) Пѣснь Прест҃ѣй Бц҃ѣ Чудотворной въ Обители Подгорецкой на Плѣсниску Ч. С. В. В. (№ 122).

Нач.: «Мати свѣта Многопѣта Небесъ оздобо»...

1) Въ рукоп. Виленск. Публ. Библ. нач. XVIII в. № 233 (15) сохранились слѣдующіе остатки акростиха: ІЄРѠДИМКѠН ѠВИГАРФЕ ДБОИМЧБ. лл. 22—23.

7) Пѣснь Престѣй Бцѣ, въ Обители Тригорской Ч. С. В. В. Благодатми Сіяющей. (№ 124).

Нач.: «Тройцы четцы хрістіане грядѣте нынѣ»...

8) Пѣснь Престѣй Бцѣ въ Обители Зимнянской Ч. С. В. В. Благодатми сіяющей. (№ 126).

Нач.: «Лѣти давну з чудесъ славну вси ублажаймо»...

9) Пѣснь а҃ бл҃женному Сщ҃енном҃чку Іосафату Архіепископу Полоцкому и Вѣтепскому (№ 146).

Нач.: «Злату трубу, словесъ губу»...

10) Пѣснь а҃. Ст҃ытелю Хр҃тову Оц҃у Василію Великому Архіеп҃пу Кесаріи Капподокійскія. (№ 180).

Нач.: «Соберитеся з вселенныя вся»...

11) Пѣснь а҃ на Рождество С. Іоанна Предтечи и Крестителя Гн҃я. (№ 198).

Нач.: «Всемірнаго днесь начало Веселія возсіяло...

12) Пѣснь в҃. на Рождество С. Іоанна Предтечи и Крестителя Гд҃ня (№ 199).

Нач.: «Искапайте горы днесь сладость»...

13) Пѣснь а҃. Ст҃ымъ Верховнымъ Ап҃ломъ Петру и Павлу (№ 200).

Нач.: «Пресвѣтлыя князи церковныхъ соборовъ»...

14) Пѣснь о суетѣ міра (переводъ латинскаго гимна: «Qui mundum probe noscit de mundo nihil poscit»... помѣщеннаго выше подъ № 208) *истолкованная* инокомъ Ч. С. В. В. (№ 209).

Нач.: «Кто добрѣ свѣтъ познаетъ, ничтоже въ немъ желаетъ»...

На польскомъ языкѣ монахами базиліанами сложены слѣдующія пѣсни (подписаны: «dzieło zakonnika Bazyliana»).

1) Pieśń II na wielki Piątek. O męce Pana Jezusa (№ 46).
Нач.: «Ach wypłyńcie oczy ze łzami»...

2) Pieśń Nayświętszey Maryi Pannie Cudotworney w Monasterze Zahorowskim Zakonu Swiętego B. W. (№ 119).
Нач.: «Naymilsza niebios i ziemi ozdobo»...

3) Pieśń Nayś. Maryi Pannie, w Monasterze Krzemienieckim Z. S. B. W. Cudami i łaskami słynącey (№ 121).
Нач.: «Królowo niebios, Pani»...

4) Pieśń Nayś. Maryi Pannie w Monasterre Białostockim Z. S. B. W. Łaskami słynącey; (№ 123).
Нач.: «Boga wierni hołdownicy»...

5) Pieśń Nayś. Maryi Pannie w Monasterze Zahaieckim Z. S. B. W. Łaskami słynącey. (№ 125).
Нач.: «Zrzódło Łask, wzorze Cnót, Nieba Ozdobą»...

6) Pieśń 2. Błogosławionemu Iozafatowi Męczennikowi (№ 147).
Нач.: «Nowa Jutrzeńko w Zachodzie wschodząca»...

7) Pieśń do S. Onufrego Pustelnika, w Klasztorze Lubarskim Z. S. B. W. znakomitemi Cudami i Łaskami słynącego (№ 197).
Нач.: «Od Boga nam za Patrona łaskawie zrządzony»...

8) Pieśń o śmierci (латинскій гимнъ: «Moriendum hoc est certum lex est immutabilis»... Адама Казимира Старжимовскаго, Плоцкаго каноника, помѣщенный подъ № 229 и переложенный монахомъ базиліаномъ) № 230.
Нач.: «Umrzeć trzeba, to rzecz pewna, Ustawa niewzruszona.

Кромѣ того отмѣтимъ еще одинъ образецъ духовной поэзіи, вошедшій въ «Богогласникъ», но не принадлежащій духовному лицу: это—

Pieśń 4 do świętego Oyca Bazylego W. Dzieło Wielmożnego Grzegorza Iwaszka, Woyskiego Owruckiego (№ 183)

Нач.: «Bazylego, a wielkiego Boskiego sługi
Są w Syonie, Boskim Tronie wielkie zasługi»...

Къ этому списку авторовъ псальмъ можемъ добавить очень немногое, ибо авторы и переводчики въ огромной массѣ не любили называть себя.

Въ томъ же «Богогласникѣ», подъ № 228 читается положенное на ноты стихотвореніе:

«Ахъ ушли жъ моя лѣта,
Якъ вихоръ с круга свѣта»...—

которое принадлежитъ Гр. Сав. Сковородѣ, извѣстному малорусскому философу.

Изъ другихъ малорусскихъ авторовъ популярныхъ виршъ религіознаго содержанія, вошедшихъ въ печатные и рукописные Богогласники назовемъ слѣдующихъ: Іеродіаконъ Герасимъ составилъ «Пѣснь образу пр҃тыя б҃цы Іверскїя како егѡ украси Нїконъ ст҃ѣйшїй патрїархъ россїйскїй» (рукоп. И. Публ. Б. Q. XIV, № 25 л. 108 об. и др.).

Нѣкто о. Спиридонъ Яхимовичъ чину св. Василія В. переложилъ «отъ латинска діалекта» пѣснь св. Бернарда о Пресвятой Дѣвѣ Маріи: «Omne die dic Mariae mea laudes anima» [1]).

Бакаляръ Шепетовскій Симеонъ Малишевичъ сочинилъ пѣснь Страстямъ Христовымъ [2]).

---

1) Рукоп. Виленск. Публ. Б. № 233 (15) около 1741 г., л. 98. Добрянскій, Описаніе рукоп. В. П. Б., стр. 333.

2) Рукоп. Вил. П. Б. № 234 (16) XVIII в., л. 40 об. Добрянскій, тамъ же стр. 334.